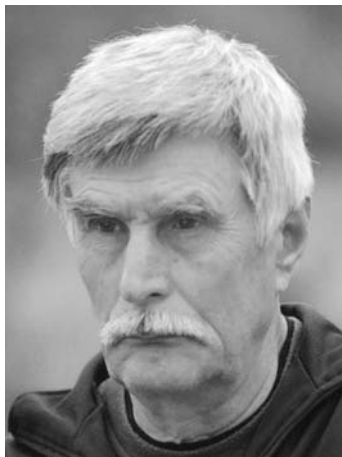

ВИКТОР МАНУЙЛОВ

ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ

РАССКАЗ

1

Отдельный танковый батальон майора Вологжина еще в начале мая был придан пехотной дивизии, которая занимала оборону примерно в десяти километрах от фронта.

Командир дивизии полковник Каплунов, низкорослый, плотный, наголо обритый, с щегольской щеточкой усов над полными губами, как только Вологжин представился и доложил о прибытии батальона, нетерпеливо передернул тугими плечами, ткнул пальцем в карту, разложенную на столе, и приказал, глядя снизу вверх на рослого Вологжина маленькими черными угольками глаз:

— Танки повзводно рассредоточить по пехотным батальонам. Вашим “коробочкам” отводится роль огневых точек. Распорядитесь, майор, чтобы ваши люди каждую ночь на отведенных им участках зарывали и маскировали по одному взводу танков. Зарываться в землю так, чтобы ни снизу, ни сверху вас не было видно. И чтобы днем ни-ка-ко-го дви-же-ния! — произнес комдив по слогам и при этом погрозил пальцем. — Вам все ясно?

— Так точно, товарищ полковник! — вытянулся Вологжин, прижав руки к бедрам.

— Вопросы есть?

— Никак нет.

МАНУЙЛОВ Виктор Васильевич родился в 1935 году в Ленинграде. Закончил редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института. Печатался в журналах “Молодая гвардия”, “Воин России”, “Юность”, “Подъём” и др. Живёт в Москве.

— Тогда идите и выполняйте. Через неделю проверю.

— Есть! — откликнулся Вологжин, повернулся кругом и вышел из командирской землянки.

Собственно говоря, ему ничего не было ясно, кроме одного: зарыться в землю. А зачем зарываться в десяти километрах от фронта — это забота начальства. Может, просто учения такие — мало ли их было! — может, ожидается крупное наступление немцев, о чем давно судачит “солдатское радио”; может, ничего не ожидается, а так, на всякий случай. Да и танки в его батальоне в основном старой конструкции, а “тридцатьчетверок” всего один взвод, и пока стояли в тылу, Вологжин тренировал на них все экипажи, в надежде, что придут новые машины. Но новые машины так и не пришли.

Впрочем, воевать можно и на старых... если с умом. Тем более что у его “бэтэшек” пушки калибра семьдесят шесть миллиметров. Правда, с короткими стволами, следовательно, с низкой начальной скоростью снаряда. Однако гусеницу порвать могут вполне, хоть у того же “тигра”, а потом пару снарядов в моторную часть и — “Гитлер капут!”. У немцев старья тоже сколько угодно, и они при атаке держат это старье во второй линии, а впереди идут “тигры”, которых даже “тридцатьчетверки” не берут в лоб из своих длинноствольных орудий. Разве что подкалиберным. Короче говоря, что есть, тем и надо воевать. Но как он будет командовать своим батальоном, если его танки придется раскидывать друг от друга иногда на расстояние в километр и более? Не получится ли так, что он вообще останется не у дел? Однако задавать подобный вопрос командиру дивизии не имело смысла.

И Вологжин занялся устройством своего батальона в соответствии с планом, который ему был предоставлен в штабе дивизии.

Майские ночи не больно-то длинные, и чем дальше, тем короче, но Вологжин приказал натягивать маскировочные сети и рыть капониры для танков под их прикрытием даже и в светлое время суток. На оборудование взводных позиций он собирал танкистов почти со всего батальона, посылал землекопами писарей и ремонтников, то есть всех более-менее свободных людей, и за ночь они успевали-таки зарыть несколько танков в землю по самые башни, сверху накрыть навесами из бревен, на бревна уложить свежий дерн и посадить кусты, чтобы ни щелочки видно не было, ни свежей земли. И когда весь батальон был зарыт, Вологжин приказал произвести пристрелку по ориентирам — и тоже так, чтобы не попасть в фотокамеру “костылей”, которые кружили в небе, надоедливо зудя, что твой слепень или овод.

Оборона строилась “гнездами” по фронту и в глубину: два-три танка, батарея противотанковых орудий, несколько минометов, пара дотов с круговым обстрелом, окопы для пехоты в две-три линии, многочисленные ходы сообщения — и все это с навесами, с тщательной маскировкой. А днем все замирало, и не дай бог кому-то взбредет в голову вылезти из укрытия — выговор от начальства не оберешься. Похоже, действительно готовились к чему-то очень серьезному. Это было заметно еще и по тому, что наезжало генералов иногда по пяти штук и более, и все в солдатских плащ-накидках с капюшонами и в пилотках, хотя гуся, как ни маскируй, видно издалека.

Побывали поверяющие и на позициях, занимаемых одним из взводов танкового батальона майора Вологжина. Кто такие, не представились, но, видать, шишки большие, если командир дивизии, низкорослый и широкий, тянулся перед ними стрункою, как иной комвзвода не тянется перед тем же командиром дивизии.

Один из поверяющих, высокий и мордастый, в пятнистом солдатском плаще с капюшоном, чтобы не были видны его регалии, и к Вологжину обратился со своими въедливыми вопросами:

— Как вы, командир танкового батальона, собираетесь командовать своим батальоном?

— Никак, товарищ генерал! — отчеканил Вологжин. — Я подчиняюсь командиру дивизии, в боевой обстановке — командиру полка, командиры танковых рот и взводов — комбатам и командирам стрелковых рот, на позициях которых стоят их танки. И так все экипажи батальона. В резерве у меня взвод из четырех танков, — это на тот случай, если противник прорвет

наши позиции в каком-нибудь месте. У нас приказ, товарищ генерал: драться до последнего снаряда там, где стоим! — закончил Вологжин, глядя в спокойные серые глаза генерала своими тоже серыми, но дерзкими глазами.

— А если поступит приказ собрать батальон вместе и контратаковать прорвавшегося противника?

— Такой вариант, насколько мне известно, не предусмотрен, товарищ генерал. Но на крайний случай — посредством радиосвязи. — И пояснил, видя вопрошающий взгляд генерала: — Почти на всех танках есть радики: недавно поставили. Остается лишь назначить пункты сбора в зависимости от обстановки. Но бой, к которому мы готовимся, вряд ли позволит это сделать.

— Что ж, задачу свою знаете, — скупо похвалил генерал. И, кивнув на ордена Вологжина, спросил: — Где успели повоевать?

— Начинал на Юго-Западном фронте. В Восьмом мехкорпусе. Потом на Западном. Сюда, на Воронежский, попал после госпиталя.

— Что ж, желаю успеха, майор, — произнес генерал и пожал Вологжину руку.

— Кто такой? — спросил Вологжин, прихватив рукав командира дивизионной разведки, когда генералы один за другим потянулись с наблюдательного пункта командира пехотного полка.

— Начгенштаба маршал Василевский, — ответил разведчик шепотом и пошевелил нетерпеливо плечами. — А ты: генерал-генерал! Думать надо.

— А второй? — не отпустил рукава Вологжин, которого ничуть не смутило, что он маршала разжаловал в генералы.

— Комфронта Ватутин. Генерал-полковник, — добавил разведчик учительским тоном и поспешил заверяющими.

После этого Вологжин окончательно уверовал, что войска готовятся к большим боям.

Миновал май, подходил к концу июнь, а на фронте никаких перемен. Правда, и в мае, и в июне раза по два объявляли боевую готовность номер раз, но то ли разведка выдумывала близкое немецкое наступление, то ли немцы передумывали наступать, а только все заканчивалось тем, что постреляют немецкие пушки, налетит их авиация, побомбит, но трудно понять, по видимым целям стреляют и бомбят или наобум лазаря. Потом пролетят наши самолеты в сторону фронта, там, слышно, погромыхает — вот и вся война. Даже тошно становится от такой войны. Ладно бы на чужой территории сидели, а то на своей, и столько земли под немцем, столько людей. И чего ждать, спрашивается? Не хотят немцы наступать, значит, дрейфят после Сталинграда, значит, надо наступать самим. Но и на других фронтах, если верить радио и газетам, тоже идут бои местного значения, как и здесь, на Воронежском... Однако командованию сверху, как говорится, виднее, что и когда делать, и майору Вологжину остается только ждать приказа да маяться.

Впрочем, Вологжин ни себе, ни своим танкистам расслабляться не давал: профилактика матчасти, тренировки на слаженность экипажей, взаимозаменяемость в бою на случай ранения или гибели товарища. На четырех танках, что остались в резерве и которые с разрешения начальства он отвел подальше в тыл, по ночам — благо луна светила вовсю — заставлял гонять по пересеченной местности, вести огонь по движущимся мишеням, преодолевать препятствия и делать много чего еще, что должно пригодиться в бою. И не он один: и пехоту муштровали, и артиллеристов, и всех прочих, чтобы не обленились и не раскисали от безделья.

2

В эти дни ожидания всех с особенной силой тянуло писать письма. Для этого рядовому составу замполиты раздавали по три линованных листка бумаги, вырванные из блокнотов, химические и простые карандаши из расчета один карандаш на пять человек. Ну и... политинформации, беседы, партийные и комсомольские собрания, и прочее, и прочее — для поднятия духа.

Четвертого июля пришла почта, и Вологжину вручили письма от отца и от сестры с лиловыми оттисками “Проверено военной цензурой”.

Вологжин развернул треугольничек из одного тетрадного листа в косую линейку, исписанный на одной стороне мелким отцовым почерком. Отец писал, что все живы-здоровы, кланяются, внуки растут, внук — шалун, внучка — полная ему противоположность: тихая и ласковая; от брата Сергея пока никаких известий: не ранен, не убит, не пропал без вести — ровным счетом ничего. Может, воюет где-нибудь, откуда не напишешь. Невестка работает на судостроительном же заводе в ОТК, устаёт, так что не вини ее за редкие письма: я пишу всем и за всех. И сестра Варвара о том же, хотя живет отдельно от родителей.

В день, когда пришла почта, всякие занятия и отлучки из расположения частей были запрещены строго-настроено. Даже переговоры по телефону, не говоря о радио, и те запретили без крайней нужды. И все заметили, что немецкие самолеты-разведчики, не покидавшие небо не только днем, но и ночью, часто сбрасывая осветительные бомбы то в одном месте, то в другом, вдруг исчезли, точно все высмотрели, что надо, а больше высматривать нечего. Правда, с утра на передовой слышна была стрельба, потом над нашими тылами прошли девятки “юнкеров”, побомбили, но не с пики, а с пролета, а поскольку наши нигде на их бомбежки не отвечали, то к середине дня на всей линии фронта установилась такая глухая тишина, будто всё по-вымерло. Значит, решил Вологжин, **Оно** близко и начнется со дня на день или даже с часу на час.

Вечером собрали всех командиров от комбата и выше в штабе дивизии, и сам комдив Каплунов, откашлявшись, заговорил звенящим голосом:

— Я думаю, что многие из вас давно догадались, что поставили нас на эти рубежи не зря. А сегодня могу сказать открыто: в ближайшие день-два ожидается большое наступление немцев, к которому они готовились еще с апреля-мая этого года. Сведения эти окончательные, проверенные и перепроверенные. Но и мы, как вы заметили, тоже не сидели сложа руки. По данным нашей разведки, немцы намерены ударами с севера и юга танковыми и механизированными соединениями подрезать так называемый Курский выступ и окружить войска Центрального и Воронежского фронтов, разгромить их и снова пойти на Москву. Наше командование решило встретить наступление противника глубоко эшелонированной обороной, обескровить танковые дивизии противника, а затем... Ну, что будет затем, этого я не знаю, до этого еще дожить надо. Зато нам известно, что против нашего, Воронежского то есть, фронта будет действовать Четвертая немецкая танковая армия и Оперативная группа под названием “Кэмпф”, а также части Восьмой полевой армии, входящие в Группу армий “Юг”. Наша с вами задача состоит в том, чтобы встретить врага подобающим образом... — Комдив пошевелил карандаш, лежащий на карте, подозрительно оглядел собравшихся в его блиндаже командиров, зябко передернул плечами и вдруг, побагровев, произнес высоким голосом, точно они, сидящие перед ним командиры, не поверили тому, о чем он им только что говорил: — Стоять насмерть! Продолжать драться даже в окружении! Да! Отход на новые позиции исключительно по приказу командования! Отход или тем более драп с занимаемых позиций — расстрел на месте! Приказ Верховного командования за номером двести двадцать семь никто не отменял... — Помолчал, насупившись, успокоился и снова своим обычным голосом: — Эту установку довести до каждого офицера, до каждого красноармейца. Это все, что я имел вам сказать... Вопросы будут?

Вопросов не было. Да и о чем спрашивать? Не о чем. Все и так ясно и, как теперь казалось каждому из них, ясно было еще месяц и более тому назад.

Майор Вологжин вышел из штабной землянки командира дивизии, устроенной в скате глубокого оврага, вместе со своим начальником штаба капитаном Тетеркиным.

На выходе из хода сообщения их ожидали четверо автоматчиков из роты прикрытия: ночью командирам строго-настрого было запрещено передвигаться по территории без охраны. Два автоматчика пошли впереди, за ними Вологжин с Тетеркиным, двое сзади, держа на северо-запад по знакомой тропинке среди созревающих хлебов.

Глубокая ночь укрывала землю. Ярко светили звезды, сиял голубоватым светом Млечный путь, висела между звездами, пригорюнившись, кособокая луна, в хлебах перекликались перенела, коростели, звенели на одной ноте кузнечики и сверчки. Иногда где-то совсем рядом возникал разговор и обрывался, казалось, на полуслове, сверху текло вниз привычное гудение ночных бомбардировщиков, летящих на большой высоте, нацеленных на дальние тылы, как предупреждение о постоянной опасности; легкий порыв ветра пролетал над нивой — и колосья шуршали своим особым шорохом, от которого на сердце становилось тоскливо.

Время от времени их вполголоса окликали часовые и разбросанные между позициями секреты: немецкая разведка шастала по нашим тылам, пытаясь раскрыть оборону, хватала зазевавшихся командиров и красноармейцев, которых потом находили в бурьяне со следами пыток. По ночам там и сям частенько возникали короткие перестрелки, изредка взлетали осветительные ракеты, заливая окрестности мертвенным сиянием: то ли сидящим в секретях что-то померещилось, то ли и в самом деле на них наткнулась немецкая разведка, то ли кого-то из своих по дураости или по пьяному делу занесло не туда. Все привыкли к этим ночным перестрелкам и уже не обращали на них внимания, как на неизбежные и вполне объяснимые мелочи прифронтовой жизни. В эти мелочи входило и желание противника выведать секреты нашей обороны, и время от времени возникающие ЧП: когда в одном месте скапливается такое количество людей, да тянется это сидение неделями и месяцами, из кого-нибудь непременно начинает вдруг переть дурь так густо, точно молоко из чугунка, забытого на большом огне. Об этих ЧП сообщалось в сводках большому начальству, большое начальство делало оргвыводы, доводило их до начальства поменьше, а то — до самого низа, внушая своим подчиненным, что разгильдяйство до добра не доводит.

Сегодня было тихо, так тихо, что хотелось проверить, не оглох ли ты под грузом навалившегося ожидания. Даже затихающий вдали гул самолетов не нарушал этой тишины.

— Хлеба жалко, — произнес капитан Тетеркин, разминая в руке почти созревший колос. И вздохнул. — Сеяли-сеяли — и все коту под хвост.

— Да, — подтвердил Вологжин, думая о своем. Затем, будто очнувшись, возразил: — Зато они хорошо маскируют позиции.

Вверху вдруг вспыхнул мертвенный свет, и все тут же метнулись в сторону от тропы и упали среди колосьев.

Вологжин перевернулся на спину. Над ними, погасив звезды и задумчивую ущербную луну, повисшую над лесопосадкой, горела голубоватым светом, медленно опускаясь, немецкая “люстра”. Она еще не погасла, как раздался нарастающий свист — и шагах, может быть, в ста, не больше, разорвалась небольшая бомба. За ней еще одна и еще. Просвистели и прожужжали осколки, посыпалась сверху поднятая взрывами труха. Люстра, не долетев до земли, утасла, и снова наступила темнота короткой летней ночи, зажглись на небе звезды, засиял Млечный путь и задумчивая луна.

Подождали немного: не бросит ли еще? — встали, отряхнулись, пошли дальше.

— Меня чего особенно злит, — снова заговорил капитан Тетеркин, — что копали мы тут, копали, готовились-готовились, а немец до нас не доберется. Силлица-то какая впереди нас стоит — просто страсть. Мне еще столько противотанковой артиллерии у нас видеть не доводилось. Нам бы столько в июне сорок первого...

— Что об этом говорить! Пустой разговор, — оборвал своего начштаба Вологжин, не любивший отвлеченных разговоров. И, помедлив, заговорил досадливо: — Дойдут — не дойдут... Даже лучше, если не дойдут. Еще навоюемся: впереди еще вон сколько! Что касается “было, не было”, так я так

тебе скажу: не было — теперь есть. Дальше будет еще больше. Не умели воевать так, как надо, теперь кое-чему научились. Дальше будем воевать еще лучше.

— Да нет, я так только, — пошел на попятную Тетеркин. И добавил для солидности: — Главное, чтобы на этот раз Оно началось, а то ждешь-ждешь...

— Главное — связь, — не согласился Вологжин.

Они пришли на КП второй танковой роты, где их встретил старший лейтенант Синеблузов. Его танки были разбросаны по точкам, а точки — по фронту и в глубину, сам командир роты находился при КП пехотного полка, примерно посредине, со своим танком, зарытым в землю на опушке небольшой дубравы.

— Вот что, старший лейтенант, — начал Вологжин, когда комроты доложил ему, что в роте все в порядке, никаких происшествий не случилось, все на месте, живы и здоровы, связь работает нормально.

— Да, так вот что надо будет сделать, — повторил Вологжин. — Собири взводных и политруков, доведи до их сведения, что не сегодня, так завтра-послезавтра немцы начнут наступление. Чтобы бдительность и дисциплина были на высоте. Пусть доведут до сведения каждого, что от предстоящих боев зависит судьба... Короче говоря, чтобы не рассчитывали, что нам придется отсиживаться за спинами товарищей, которые там, на передовой, первыми встретят удар немецких танков. И еще раз: стоять насмерть, с позиций без приказа не уходить, в случае израсходования боеприпасов или выхода из строя матчасти продолжать бой совместно с пехотой.

— Да мы именно так и ориентировали танкистов, товарищ майор... — начал было старший лейтенант Синеблузов, но Вологжин перебил его:

— Ориентировать — одно, а убедить и потребовать — совсем другое.

— У меня в роте все экипажи партийно-комсомольские, товарищ майор, — обиделся Синеблузов. — Поэтому в их убежденности стоять насмерть я уверен на все сто.

— А главное — бить их спокойно, расчетливо и, что называется, насмерть, — добавил Вологжин для верности, привыкший, чтобы за ним в разговоре с подчиненным оставалось последнее слово, попрощался с ротным и начальником штаба и, сопровождаемый двумя автоматчиками, пошел к своей точке, расположенной на командном пункте полка в глубине обороны.

Что ж, и еще один день прошел спокойно. И половина ночи тоже. Может, последний день и последняя ночь.

3

Пятого июля утром Вологжина разбудила артиллерийская канонада. Он поднял голову с лежанки, прислушался, затем сел, не спеша намотал портянки на ноги и обулся, подпоясался ремнем и, выбравшись наверх, в ход сообщения, где топтался часовой, задрал голову.

Среди еще не потухших звезд в сторону немецких позиций неслись огненные стрелы, выпускаемые “катюшами”; по всему горизонту севернее позиций, занимаемых дивизией полковника Каплунова, вспыхивали зарницы, и по скрежещущему, булькающему звуку Вологжин определил, что бьет наша тяжелая артиллерия, бьет откуда-то издалека.

“Так что, — спросил он у себя, потирая руками помятое после сна лицо, — выходит, что мы наступаем, а не немцы? Не похоже. Контрартподготовка? Скорее всего, что так. Как ни болела, а померла”, — вспомнил он мрачную поговорку своего отца.

Часы показывали половину третьего ночи.

Наши отстрелялись и затихли. Все, кого оторвала от сна неожиданная стрельба, и Вологжин вместе со всеми, вслушивались в эту тишину, пытались понять, что она значит. Молчали телефоны и рация, лишь высоко среди мерцающих звезд удовлетворенно гудели наши самолеты, возвращающиеся с бомбежки.

— Похоже, началось, — произнес, ни к кому не обращаясь, командир стрелкового полка подполковник Лысогоров. И добавил: — Похоже, на этот раз не ошиблись.

Светало. На востоке в сизой дымке вставала малиновая заря, в то время как на юго-западе, где пролегалась линия фронта, еще властвовала тьма, сонно помаргивали редкие звезды. Но вскоре и там посветлело, и стало возможным разглядеть поднимающиеся в небо черные дымы.

Грохот далекой артподготовки докатился до слуха Вологжина в шестом часу утра: долбила немецкая артиллерия, долбила настойчиво, все усиливая и усиливая интенсивность стрельбы, и стрельба эта расплзалась по всему горизонту. За два года войны Вологжин привык различать все оттенки ведения огня немецкой, да и своей, артиллерии — и эта стрельба точно была артподготовкой перед наступлением, а не, скажем, перед заурядной атакой местного значения. Он смотрел на часы, положив на артподготовку не более тридцати минут: немцы редко стреляли дольше. Он представил, как там, среди дыма и огня, оглохшие, наши солдаты вжимаются в землю в узких щелях и блиндажах, а в это время немецкие танки уже выходят на исходные рубежи, стараясь как можно ближе подойти к нашим окнам под прикрытием огня своей артиллерии.

Через несколько минут из-за спины стала отвечать наша дальнобойная артиллерия, и почти сразу же на большой высоте появились немецкие самолеты, там и сям загучали зенитки, грохот разрывов бомб и стрельбы покатылся в тыл, и вот уже все пространство, покрытое созревающими хлебами, небольшими рощами, оврагами, холмами и крутыми меловыми грядками, извилистыми речушками, заросшими камышом, куда ни глянь, стало затягиваться дымом и пылью.

Немецкие танки появились значительно раньше, чем их ожидали — вечером того же дня. Преодолев десятикилометровую эшелонированную оборону, они приблизились к позициям дивизии полковника Капдунова. С КП командира полка в стереотрубу было видно, как по еще зеленоватому пшеничному полю катят и катят, оставляя за собой длинные полосы смятых колосев, бронированные машины, и не видно им ни конца ни краю. Впереди ползут “тигры”, за ними танки поменьше, дальше самоходки, бронетранспортеры с пехотой, машины с пушками и зенитками. Остановить эти полчища, казалось, было невозможно. Они надвигались неумолимо, кивая длинными стволами с набабдашниками, посверкивая отполированными траками. Низкое вечернее солнце светило им в бок, и рядом с танками ползли по земле длинные уродливые тени.

Затем стало видно, как идущие впереди танки подрываются на минах. Один подорвался, другой, третий. Колонны встали там, где их застали подрывы, затем попятились назад. Через несколько минут появилась немецкая авиация, начала мелкими бомбами расчищать проходы в минных полях. Снова заговорила наша дальнобойная артиллерия. Тяжелые снаряды вздыбливали гигантские черные кусты разрывов, но немецкие танки стояли далеко друг от друга, и лишь иногда черные кусты подбрасывали вверх колеса, башню и куски еще чего-то, что секунду назад было танком, самоходкой или бронетранспортером с обитавшими в них людьми. Потом к нашим пушкам подключились “катушки” — и через несколько минут все пространство затянуло дымом и бурой пылью.

— А ведь они, сволочи, в этой пыли могут через наши позиции проскочить, — нервно хохотнул подполковник Лысогоров. — Как мыслишь, майор, проскочат или нет?

— Если и проскочит какая-то часть, то встретим на второй линии, — ответил Вологжин несколько резковато, будто комполка не знал, что у него есть и вторая линия, и третья. — Впрочем, видимость не такая уж и плохая: метров двести, пожалуй, — добавил Вологжин, сглаживая впечатление от своей резкости. — А если ветер поднимется...

Несколько взрывов взметнули вверх землю чуть правее КП, и подполковник приказал телефонисту связаться с “Калиной”. Телефонист, прикрывая трубку рукой, забубнил:

— “Калина”! “Калина”! Оглохли вы там, что ли? — И уже подполковнику: — Есть связь с “Калиной”!

Подполковник схватил трубку, послушал, что ответила ему “Калина”, похвалил:

— Молодцы! Подпускайте поближе! Что-о? Саперы? Не давайте саперам разминировать! Что значит: не видно? Вы наверху, вам должно быть видно! Лупите из пулеметов, в душу их фашистскую мать! У вас там снайпера имеются! Спят они, что ли?

Бросил трубку, пожаловался:

— Сколько воюем, а некоторые все никак не привыкнут думать собственными мозгами, все им подскажи да укажи. У них немецкие саперы под носом мины снимают, а они не знают, что делать: у них, видишь ли, приказ без команды сверху огня не открывать, вот они и не открывают. А сверху что видно? Ни черта сверху не видно! Вояки, едри их за ногу...

Вологжин тоже нервничал и переживал за своих танкистов, хотя и старался казаться спокойным. Танковая рация, стоящая перед ним, молчала, а это значит, что его люди не испытывают нужды в его советах и приказах. Да и что он может посоветовать или приказать, видя лишь часть боя, разгорающегося на огромном пространстве, в который втягиваются отдельные танки его батальона? Ничего он не может. Только ждать своего часа и надеяться, что его танкисты не подведут. Как и все прочие, кто сейчас сходит-ся грудь с грудью с наступающим врагом.

И вдруг рация ожила:

— “Восемнадцатый”! Я “тридцать шестой”! Прием!

— “Тридцать шестой”, я “восемнадцатый”! Прием!

— Немецкие танки и пехота ворвались на наши позиции! Веду бой в окружении...

— “Тридцать шестой”! “Тридцать шестой!” Ответь “восемнадцатому”! “Тридцать шестой”!

Но “Тридцать шестой” уже не отвечал.

— Что там, майор? — заволновался комполка.

— Похоже, “тридцать шестой” узел обороны подавлен противником, — ответил Вологжин, глядя на карту. — Надо бы накрыть их нашей артиллерией.

— Вот сволочи! — воскликнул комполка. — И мои тоже не отвечают: нет связи.

В углу связисты на разные голоса вызывали батальоны, полковую артиллерию.

Ветер слегка отнес дым и пыль, стало видно всхолмленное поле, горящие там и сям немецкие танки, но горело не так уж много, если иметь в виду минные поля, заградительный огонь тяжелой артиллерии и “катюш”, частую стрельбу минометов и противотанковых пушек.

Минное поле перед позициями полка тяжелые немецкие танки, идущие впереди, уже почти миновали. Видно было, как “тигры” останавливаются на какое-то время, стреляют и движутся дальше. Звонкие выстрелы их пушек, как и выстрелы противотанковых орудий, пулеметная и автоматная стрельба медленно, но неумолимо накатывались на позиции первого батальона. Но танки полегче отстали, бронетранспортеры тоже, выбывало из строя их все больше и больше, и, судя по всему, на них артиллеристы и сосредоточили весь свой огонь, рассчитывая, что “тигров” и “пантер” возьмут на себя другие.

“А ведь они все-таки прорвутся, сволочи, — думал Вологжин, поворачивая стереотрубу из стороны в сторону. И уточнил: — Если им ночь не мешает”.

И тут налетели немецкие пикировщики. Они развернулись в карусель и, кидаясь вниз друг за другом, стали перепихивать бомбами первую линию обороны дивизии. Их было много — штук много, может быть, пятьдесят. Сверху их прикрывали истребители.

— Где “соколы”? — кричал в трубку подполковник Лысогоров. — Фрицы по головам ходят, а их черти где-то носят!

Немецкие летчики, точно услышав подполковника, перенесли атаку на вторую и третью линию. Несколько бомб упало вблизи КП подполковника Лысогорова.

Отбомбившись, немцы улетели. За ними погнались наши истребители. Над полем боя появились штурмовики “Ил-2”, но немецкие танки они не остановили, хотя им и удалось зажечь некоторые из них.

— Майор! Вологжин! — отвлек Вологжина от наблюдения за полем боя подполковник Лысогоров. — Смотри! — и показал рукой направо. — Они прорвались через первую и вторую линию! Через пятнадцать-двадцать минут выйдут на наши тылы.

Вологжин глянул в указанном направлении. Действительно, с десятков танков и бронетранспортеров каким-то образом проскочили и минные поля между двумя узлами обороны первой и второй линии, и простреливаемое перекрестным огнем пространство, и теперь по полевой дороге катили вдоль оврага к третьей линии, где стояли резервные танки Вологжина, минометные и гаубичные батареи, где располагался медсанбат и склады боеприпасов. По этим танкам било всего лишь одно орудие из третьей линии, точно все остальные были уничтожены пронесшейся над оборонительными порядками дивизии полковника Каплунова бомбежкой.

— Ну, я пошел, — сказал Вологжин и, прихватив планшетку и танкистский шлем, выбрался из блиндажа в ход сообщения, затем уже наружу, открытый взору всех, кто смотрел на это поле, перепаханное воронками от бомб, с редкими кустиками почти сгоревшего овса, и, пригибаясь, побежал к своим танкам, стоящим в укрытии в трехстах метрах от КП полка.

4

Торча по пояс из люка “тридцатьчетверки”, Вологжин коротко командовал механику-водителю:

— Вперед!

Тяжелая машина дернулась и выбралась из-под навеса. Почти одновременно с ней еще три машины, расположенные в линию.

— Атакуем с ходу прорвавшиеся танки и бронетранспортеры противника! — монотонно передал Вологжин по рации. — Разворачиваемся фронтом. Сближаемся на самое короткое расстояние. По танкам — бронебойным, по бронетранспортерам — фугасным! Полный вперед!

Убедился, что все командиры танков поняли его команду, опустил на командирское сиденье и захлопнул за собой крышку люка.

“Тридцатьчетверки” были новехонькими не только в смысле времени изготовления, но и конструкции: с увеличенной башней, где помещались наводчик, заряжающий и командир танка, с орудием в восемьдесят пять миллиметров, с утолщенной броней. Она так и называлась: Т-34-85. Теперь командиру танка — взвода, роты или батальона — не нужно отвлекаться на стрельбу, он мог следить за полем боя и командовать не только своим экипажем, но и другими, если того требовала его должность. Таких танков в Красной Армии было еще немного: их начали выпускать лишь в начале этого, 1943 года, и когда батальону Вологжина вручали всего лишь четыре машины, присутствовал сам командующий бронетанковыми войсками фронта и представитель завода-изготовителя.

Представитель, человек весьма пожилой, с усталым отечным лицом, в толстых очках, в командирской форме с погонами полковника, но на военного нисколько не похожий, отозвал Вологжина в сторону и попросил умоляющим голосом:

— Вы, товарищ майор, пожалуйста, очень вас прошу, постарайтесь в боевой обстановке выяснить все слабые и сильные стороны этого танка и, если вас это не затруднит, напишите на завод о своих впечатлениях. Вот вам адрес и моя фамилия, — и представитель протянул Вологжину блокнот в кожаной обложке с пистончиками, из которых торчали карандаши.

— Но ведь цензура... — начал было Вологжин, но представитель перебил его, замахав руками:

— А вы через особый отдел дивизии. Они предупреждены. Так и дойдет вернее и... Короче говоря, очень вас прошу. Для нас, сами понимаете, ваш отзыв чрезвычайно важен. Главное, попробовать его против “тигров” и “пантер”. Ну и вообще...

— Конечно, — согласился Вологжин. И добавил: — Если в первом же бою меня...

— Да-да, я понимаю, но будем надеяться, товарищ майор, будем надеяться. — И, пожимаая Вологжину руку, пробормотал скороговоркой: — Желаю вам удачи и дожить до победы.

— И вам того же, — произнес Вологжин, тиснув мягкую ладонь представителя.

Этот разговор, как и получение новых танков, случился чуть более двух месяцев назад. На новые танки Вологжин посадил лучшие экипажи, гонял их по пересеченной местности, учил стрелять и с остановки, и с ходу, и днем, и ночью, и против солнца, и против ветра. Танки вели себя хорошо, экипажи действовали слаженно, единственного трофейного “тигра” превратили в решето, стреляя с различных расстояний.

Но это на учениях, то есть без противодействия противника. Для большинства же танкистов из его батальона предстоящий бой будет первым настоящим боем, хотя ненастоящих боев не бывает вообще. Зато бывают бои, что называется, ствол на ствол, а бывают, когда на один твой ствол приходится десять вражеских. Сегодня, похоже, им предстоит именно такой бой. Тут только успевай крутиться. Но, как говорится, черт не выдаст, свинья не съест.

Прорвавшееся танковое подразделение немцев вели за собой один “тигр” и две “пантеры”. Других “тигров” видно не было. О “пантерах” же было известно, что будто бы немцы скопировали их с нашей “тридцатьчетверки”, то есть борта сделали не прямоугольными, а скошенными, башню тоже, пушку поставили калибра семьдесят пять миллиметров с чудовищно длинным стволом, двигатель бензиновый, скорость по ровной местности около пятидесяти, но она тяжелее “тридцатьчетверки” и, следовательно, менее поворотлива. Это все, что знал о своем противнике Вологжин. И он тут же приказал:

— Огонь сосредоточить по головным машинам! Целиться под обрез башни! Расстояние — триста метров!

Танк Вологжина несся на полной скорости. В панораму было видно, как разворачиваются им навстречу “тигр”, “пантеры” и несколько штук Т-IV. Расстояние до них было еще метров восемьсот, и оно стремительно сокращалось.

Вологжина мотало вместе с машиной, однако он, вцепившись в стальные скобы, прижавшись лбом к резиновому обрамлению панорамы, не отрывал глаз от головной машины противника, постепенно выраставшей и заполнявшей все пространство белым крестом и черной дырой оружейного ствола.

Вот из этой дыры вырвалась огненная струя выстрела, и танк на несколько секунд укрыло белым облачком дыма. В то же мгновение звонко чиркнуло по башне, встряхнув ее, и от этого звона Вологжину заложил уши.

Он хрипло выкрикнул:

— Механик, не рыскай, держи курс на головного! Наводчик! Прицел под основание ствола! — и снова поймал в перекрестие дальномера башню “тигра”, ожидая остановки и выстрела. И тут “тигр” вдруг сел на правую сторону, попав то ли в замаскированный ход сообщения гусеницей, то ли в яму-ловушку, а из его недр выплеснуло пламя.

Вологжин, так и не поняв, кто же поразил фрица, оглядел поле боя, увидел, что танки его целы, а одна из “пантер” дымит, опустив оружейный ствол, приказал держать курс на вторую “пантеру”. Орудие дернулось и откатилось назад, выбросив гильзу и отработанные газы.

Они ли попали в нее, или кто-то другой, или все сразу: дистанция была менее трехсот метров, но фриц польхнул огнем и дымом и, разваливаясь на куски, стал превращаться в черное облако. И хотя все это длилось какие-то мгновения, Вологжину они показались вечностью.

Дальше все слилось в один длинный и непрерывающийся стон и грохот. Машину мотало из стороны в сторону, она то вертелась на одном месте, то срывалась и неслась куда-то на полном ходу, то замирала на несколько мгновений, и тогда рядом в железном чреве орудия взрывался пороховой заряд, выбрасывая тяжелый снаряд. А однажды танк врезался в борт с белым крестом на нем, и от удара в глазах Вологжина долго мелькали красные молнии. Просто удивительно, что он умудрялся при таком движении следить за полем боя и командовать. Почти без пауз стрелял танковый пулемет, иногда ему вторил курсовой, спаренный с орудием, метались впереди немецкие солдаты, в наушники врывались голоса то механика-водителя, то пулеметчика, то командиров остальных танков, то он сам отдавал какие-то приказания, и, надо думать, вполне соответствующие обстановке, но ни одного слова из своих приказов не помнил.

Потом машина прокатила немного и встала борт о борт с немецкой “пантерой”, и Вологжин, откинув стальную крышку люка, высунулся из башни, глотнул свежего воздуха и закашлялся. И только откашлявшись и отдышавшись, огляделся.

Неширокая лощина, пролегшая между двумя грядами с довольно крутыми склонами, на которых были оборудованы узлы обороны третьей линии, и по которой немцы пытались прорваться в наши тылы, представляла из себя нечто похожее на выставку разбитой немецкой техники. Тут были и танки, и бронетранспортеры, и тягачи на полугусеничном ходу с противотанковыми пушками на прицепе, и даже две самоходки, которые Вологжин проглядел, и мотоциклы, и трупы, трупы, трупы. Среди этого железа стояла наша “тридцатьчетверка” за номером 208, и возле нее возился экипаж, натягивая перебитую гусеницу. Еще две “тридцатьчетверки” остановились неподалеку от танка Вологжина, и командиры этих танков тоже оглядывали поле только что отгремевшего боя.

Вологжин вспомнил, что командир подбитого танка старший сержант Арапников доложил ему о перебитой гусенице, потом что-то о наседающих фрицах, но Вологжин был слишком занят движением, стрельбой, чтобы искать в этой кутерьме подбитый танк. Он помогал экипажу, попавшему в беду, тем, что бил все, что попадалось ему на пути, уверенный, что кто-то из своих же прикроет раненый танк. Как потом оказалось, не одни они вели бой с прорвавшимися танками, но и артиллеристы узлов обороны. И даже пехота.

Оглядевшись и не заметив опасности, Вологжин стянул прилипший к мокрому волосам шлем, и свежий ветерок приятно охватил его разгоряченную голову.

Солнце уже село за далекие холмы, однако чистое небо светилось голубоватым сиянием, и от этого сияния контуры предметов в лощине обозначились резче, приобретя злое очертания, к небу тянулись черные дымы, догорали три-четыре немецких танка и бронетранспортера, самоходки стояли косо, подорвавшись на минах. Постепенно мрачные очертания приобрели и покатые холмы, и ближайший лесок, небо на глазах тускнело, сияние на западе замещалось розовато-желтыми разводами вечерней зари.

Хотя в голове у Вологжина продолжало гудеть, но все-таки он уловил, что бой затихает по всей линии обороны, что немцам не удалось прорваться через порядки дивизии полковника Каплунова, и приказал экипажам возвращаться на исходные позиции. А сам соскочил на землю, подошел к израненной “пантере”, похлопал по ее крутой и еще горячей броне, обошел, отыскивая дыру от снаряда, думая при этом, что сегодня же надо будет отписать представителю завода о том, как вел себя новый танк в бою. И не только его собственный, но и все остальные. А то неизвестно, удастся ли сделать это завтра.

Всю короткую летнюю ночь немцы обстреливали позиции дивизии полковника Капдунова из орудий и минометов, их пехота то в одном месте, то в другом пыталась просочиться в ее тылы; некоторые “тигры”, вырвавшиеся вперед, горбились черными глыбами среди минных полей, по ним с разных сторон били наши орудия, “тигры” огрызались; немецкие саперы ползали по минным полям, обезвреживая наши мины, готовя проходы для танков, и по всему по этому от зари до зари не прекращались стычки по всей линии обороны не только дивизии Капдунова, но и соседних.

Майор Вологжин дважды пытался соснуть, привалившись к бревенчатой стене блиндажа, и оба раза просыпался от близких разрывов мин и снарядов.

— Лютует фриц, мать его... — ругался рядом подполковник Лысогоров. — Пытается взять на измор. Давай, майор, попьем чайку. Хрен тут поспишь при такой немецкой музыке.

Они сидели и пили чай из эмалированных кружек с отбитой там и сям эмалью.

— Мои разведчики только что вернулись из поиска, — говорил между глотками чая Лысогоров. — Приволокли языка, эсэсовца, ефрейтора, а поихнему какой-то там хрен-его-знает-фюрер. Говорит, что с утра немцы опять попрут вперед. Там у них целый танковый корпус СС перед нашими позициями толчется. Так что завтрашний денек пострашнее нынешнего будет.

— Уже не завтрашний, а сегодняшний, — поправил Лысогорова Вологжин и, глянув на часы, уточнил: — До рассвета осталось чуть больше часа.

— А здорово вы им врезали! — оживился Лысогоров. — Честное слово! Четыре танка на такую армаду! Если бы своими глазами не видел, не поверил бы.

— Ну, во-первых, не мы одни старались. Ваши тоже лупили их в хвост и гриву, — не согласился Вологжин. — Во-вторых, эти танки хоть и называются “тридцатьчетверками”, а по существу совсем другие машины: и броня помощнее, и орудие посильнее. Ну и... в-третьих, опыт, выучка...

— Да-да, разумеется, — согласился Лысогоров. — Но ведь и фрицы не лыком шиты.

Вологжин усмехнулся.

— Будем считать, что нам повезло на этот раз больше, чем им.

И оба уставились в темноту, слабо освещаемую горящим фитилем в рядной гильзе.

Едва допили чай, как ожили телефоны восстановленной связи. Пришло сообщение, что в первой линии остались лишь редкие очаги обороны, противотанковые узлы либо уничтожены, либо заняты противником; на второй линии практически уничтожены артиллерия и оба танка, прикрывающие проход между двумя узлами обороны.

— Это на правом фланге, — ткнул в карту Лысогоров. — Там, где вчера прорвались немцы, которых вы... Я думаю послать туда взвод пэтээрщиков, пару орудий из резерва, ну и... хотя бы один из ваших танков... было бы весьма кстати.

— Я распоряжусь, — сказал Вологжин и добавил: — И вообще, судя по всему, мне здесь делать больше нечего. Если понадобится, я в своей машине. Связь по рации... Буду действовать по обстановке.

И Вологжин тиснул руку подполковнику, тряхнул за плечо рядового Сотникова, пулеметчика из экипажа своего танка, выполнявшего роль орудийца и связного. Тот вскочил, как очумелый, вытер мокрый рот и уставился на Вологжина испуганными, еще почти детскими глазами.

— Пошли, — велел Вологжин. — В танке доспишь.

Захватив автоматы, они выбрались из блиндажа в ход сообщения.

Небо уже начало светлеть. На его фоне прорисовывались темные горбы холмов, кучи деревьев, изодранных бомбами и снарядами, уродливый контур какого-то одинокого строения. Но в низинах темнота сгустилась еще больше, а от недалекой реки уже наплывала тонкая кисея тумана.

Менее чем в километре слева и справа шел бой. В темноте вспыхивали огненные трассы, пересекались и гасли, короткие зарницы орудийных выст-

релов сменялись грохотом разрывов. Впереди же, перед позициями полка Лысогорова, уже с полчаса было тихо — так тихо, будто все вымерло. И это настораживало.

Потом от реки возникли звуки движения, шаги множества людей, понукание ездовых, лошадиный храп, тряский перестук колес. И Вологжин догадался, что это выходит на полупогибшую позицию подкрепление, о котором говорил Лысогоров. Он подождал, откуда последнее орудие проследовало мимо, скорым шагом миновал открытое пространство и, ответив на оклик часового паролем, протиснулся в узкий лаз, прикрытый дубовыми ветками с уже увядшей листвой. Тонкий луч фонарика вырвал из мрака зеленую глыбу танка, сапоги спящего под его днищем экипажа.

— Младший лейтенант Самарин! — окликнул Вологжин.

— Я! Я — младший лейтенант Самарин! — откликнулся юношеский голос из-под самого днища, затем засучили ноги в сапогах, и под свет фонарика выбрался из-под танка, в сущности, еще мальчишка, белобрысый и курносый, поморгал заспанными глазами, приложил руку к шлему, доложил:

— Товарищ майор! Экипаж танка отдыхает. Все на месте, больных и раненых нет.

— Ужинали?

— Так точно, товарищ майор!

— Боеприпасами и соляжкой заправились?

— Так точно! Еще вчера вечером.

— Вода, сухпай на три дня...

— Все имеется в полном комплекте, товарищ майор!

— Хорошо. Поднимайте свой экипаж и выходите вот на эту позицию, — показал Вологжин на свой планшет, сквозь целлулоид которого виднелся кусочек карты. — Это чуть левее того места, где мы вчера вели бой с прорвавшимися танками противника. Здесь замените экипажи старших сержантов Прохоренко и Гамаева. Если их машины в укрытии и не способны вести бой, вытащите машины и поставьте в стороне, а сами займите место одной из них. Но если хотя бы один из танков может стрелять... Короче говоря, действуйте по обстоятельствам. Ваша задача — выбивать “тигры” и “пантеры”. Остальные оставляйте пэтэа и пехоте. Все ясно?

— Так точно, товарищ майор. А как же взвод?

— Я останусь при взводе, — ответил Вологжин: — Должен же я чем-то командовать: майор все-таки.

— Понятно, товарищ майор. Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Чтобы через пятнадцать минут были на позиции... пока еще темно... И запомните: главное — маневр и огонь. Без спешки. Без суеты. Да, и вот еще что: если там есть наши раненые танкисты, поспособствуйте, чтобы их отправили в тыл.

— Есть через пятнадцать минут быть на позиции! Есть поспособствовать отправке раненых! — громким полусшепотом откликнулся младший лейтенант Самарин.

Вологжин, стоя в стороне, смотрел, как выбирающийся из капонира танк смял прикрывающие вход ветки деревьев, развернулся и, на малых оборотах двигателя, едва урча, утонул в жидких сумерках. Он покусал нижнюю губу и пошагал к своему танку.

Туман еще более сгустился, хотя и укрывал землю тонкой пленкой, так что казалось, будто невысокие холмы, кучи деревьев и кустов, развалины какого-то дома висят в воздухе и даже движутся куда-то, но еле-еле, как бы крадучись, точно хотят незаметно уйти от того, что ожидает их с восходом солнца. А солнце все еще покоилось за горизонтом, алая заря пламенела и разрасталась, а само небо посветлело настолько, что на нем остались лишь самые крупные звезды, да и те лишь в сумеречной стороне неба, то есть там, где таились скопившиеся за ночь бронированные полчища немцев.

Отсюда, с вершины холма, в котором были укрыты танки Вологжина, позиции второй и третьей линии обороны пока лишь угадывались в рассветных сумерках. Судя по тому, что стрельба велась справа и слева от позиций

полка Лысогорова, немцы будут наступать именно здесь, то есть по следу прорвавшейся вчера в наши тылы немецкой колонны и благополучно здесь погибшей. И место удобное для прорыва, и грунтовая дорога, и впереди никаких естественных препятствий, а небольшая степная речушка поворачивала за спиной у Вологжина на север, следовательно, наступать можно, не форсируя этой речушки, на другой стороне которой располагалась следующая линия нашей обороны.

Впрочем, это всего лишь его, майора Вологжина, предположения, а на самом деле он ничего не знает о конкретных планах противника, кроме одного: немецкие танковые корпуса рвутся к Курску с севера и юга, чтобы окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов и всё, что стоит ему в затылок. А у него, майора Вологжина, и тех немногих танков его батальона, что зарыты в землю в пределах видимости, одна задача — способствовать тому, чтобы немцы не прорвались сквозь порядки полка подполковника Лысогорова. Если же учесть, что немцы вчера прорвались через многие позиции других полков и дивизий, что вряд ли они утратили свою пробивную силу, выстоять дивизия полковника Каплунова под их таранным ударом не сможет. Но ослабить этот удар обязана, не считаясь ни с какими потерями живой силы и техники.

Вологжин глянул на светящийся циферблат швейцарских часов, снятых с убитого немецкого офицера еще в августе сорок первого. Часы показывали три часа десять минут. И почти тотчас же вершины холмов с их меловыми выступами вспыхнули ярким солнечным светом, а вдаль, там, где были немцы, замерцали сполохи выстрелов артиллерийских орудий. И Вологжин поспешил вниз по крутому скату холма, а сзади его уже догонял слитный и тяжелый гул первых разрывов немецких снарядов.

Артподготовка еще не закончилась, когда в воздухе появились “юнкерсы” и начали утюжить минные поля, которые за ночь успели восстановить наши саперы и на которых уже подорвалось несколько немецких танков. Другие самолеты бомбили узлы обороны, сосредоточенные в основном на скатах холмов и возвышенностей.

Затем пошли танки.

Отрывистые выстрелы наших противотанковых пушек слились с выстрелами немецких танков и самоходок, издали заговорила наша же дальнбойная артиллерия, “катюши” в течение нескольких минут выплескивали в небо дымные струи огня, в небе гудели наши и немецкие самолеты, окрестности затягивало дымом и бурой пылью — и весь этот грохот, то усиливаясь, то на некоторое время ослабевая, топтался на одном месте, протягивая свои пыльные лапы в ближайшиe наши и немецкие тылы.

Через два часа ожесточенного боя немецкие танки прорвали вторую линию обороны полка Лысогорова как раз в том месте, где вчера четыре танка Вологжина вели свой первый и вполне успешный бой. Возникла угроза, что они могут прорвать и третью линию и уж во всяком случае выйти на тылы второй.

— Товарищ майор! — окликнул Вологжина, снова наблюдавшего за полем боя с вершины холма, старший сержант Семенков. — Вас вызывает “семнадцатый”.

Вологжин и сам уже успел оценить прорыв немецких танков и мотопехоты через порядки второй линии обороны, поэтому, сбегая с холма, крикнул сержанту:

— По машинам! Командиров танков ко мне! — и, достигнув своего танка, взял из рук радиста шлемофон и прижал к уху.

— “Восемнадцатый” слушает.

— Майор! Фрицы опять прорвались там же, где и вчера. Нужна твоя помощь, — услышал Вологжин голос подполковника Лысогорова.

— Понял. Выступаю.

И посмотрел на командиров своих танков, стоящих рядом.

— Идем с интервалом в тридцать метров вдоль оврага. После роци выходим на скат вон той высоты и там становимся в засаду. Как только немцы подойдут на триста-четыреста метров, расстреливать в первую очередь “тиг-

ры” и “пантеры”. Далее по обстоятельствам. В случае моей гибели командование взводом берет на себя старший сержант Семенков. Всё. По машинам.

6

Это место на склоне гряды, образованной когда-то движением ледника, Вологжин присмотрел давно. Здесь дожди, талая вода и ветра прорыли неглубокую щель, в которую танк помещался по самую башню. Правда, было одно неудобство: если танк поднять повыше, ему приходилось стоять в наклонном положении, что сужало сектор обстрела, но если немного расчистить площадку от камней, подровнять ее, то лучшего места для засады не найти. И Вологжин велел еще недели две назад такие площадки подготовить. Однако подготовили лишь одну: подготовить больше помешали другие заботы. Вологжин сам въезжал на своем танке на эту площадку и примеривался, как отсюда, с высоты метров, примерно, в тридцать, вести огонь вниз, по дороге, если на ней окажутся танки противника. Выяснилось, что надо немного опустить нос, тогда будет в самый раз: сверху даже “тигра” можно раздолбать любым снарядом. А им снизу ничего не светит, потому что с дороги видны лишь ствол орудия и часть башни — он сам проверял.

Сейчас готовить площадки для других танков не было времени, и он приказал старшим сержантам Арапникову и Семенкову оставаться внизу, в промоинах же, укрыться от авиации маскировочными сетями и действовать изпод них короткими наскоками: выскочил, пару выстрелов, откатил назад, сменил позицию, снова вперед — и так до полной победы.

Он так им и сказал: “До полной победы”. А что он еще мог им сказать? Не маленькие, сами поймут, до какой черты им стоять на этом месте.

А сам повел свой танк наверх. И неожиданно встретил там, на подготовленной площадке, артиллерийских корректировщиков. Впрочем, сразу и не разобрались, кто такие: трое, в нашей форме, один офицер. Может, немцы. Может, перекинувшиеся на их сторону казаки, о чем ходили самые разные слухи. Всякое может быть.

Офицер вскочил, замахал руками, заорал:

— Куда претесь, черти! Не видите, что ли, занято?

— А ну дай очередь над их головами, — приказал Вологжин пулеметчику. — Пониже, пониже. Вот так, пусть землю понюхают. — И, откинув крышку люка, высунул автомат и крикнул: — Кто такие?

Офицер поднял голову от земли, ответил:

— Старший лейтенант Клецков из сто седьмого артполка. Ведем корректировку огня своих батарей.

— Документы! — приказал Вологжин, не отводя автомата от прижавшихся к каменному днищу сухого русла людей. — И своему механику-водителю: — Прутников! Возьми у них документы.

Офицер встал, протянул свое удостоверение.

— Вы за это ответите, — сказал он. — У меня приказ командования. Я должен корректировать огонь: вон они прут как, а вы — документы! Какие к черту документы, — все более накалялся его крик. — Под трибунал захотели?

Вологжин соскочил с брони, подошел к старшему лейтенанту.

— Не ори! Эту площадку мы давно подготовили для танка. Так что придется потесниться, товарищ старший лейтенант Клецков, — и Вологжин вернул удостоверение офицеру.

— Но вы же стрелять будете — и вас сразу же засекут. А наше дело тихое.

— Ничего, подниметесь повыше — дальше виднее будет. А там бой рассудит. И поторопитесь: мне машину надо установить.

— Ладно, так и быть, — сдался старлей. — Пойдем, ребята, наверх. А то нас тут прихлопнут вместе с этим уютгом.

И корректировщики, пригибаясь, чтобы не было видно со стороны, полезли выше со своей рацией, а экипаж, поставив танк на место и натянув над ним сеть, приготовился к бою.

Едва заняли позиции — вот и немцы. Впереди мотоциклисты, за ними бронетранспортеры — разведка. А уж за ними... в пыли и дымной пене разрывов наших снарядов надвигалось целое полчище “тигров”, “пантер”, средних танков, самоходок, а среди них выделялись огромные “фердинанды”, восьмидесятитонные чудовища с толстенной броней и мощной пушкой.

С противоположного холма открыли огонь противотанковые орудия. С бронетранспортеров посыпались панцергренადеры. Многие из них кинулись туда, где скрывались танки Вологжина: промоина была заметна с дороги, она обозначалась кустиками терна, крупными валунами и горами камней, которые когда-то стаскивали с полей, расчищая пашню.

Противопехотные мины, которыми была напичкана лощина, и короткие злые очереди из танковых пулеметов отбросили немцев назад.

Вологжин медлил открывать огонь. Вот когда немец подставит свои борта, тогда уж наверняка, тогда только успевай заряжать. К тому же немецкая разведка прошла по дороге, даже колесные бронетранспортеры прошли, и прошли они над минами, вернее, там, где мины стоять должны. Может, там стоят какие-то особые мины, рассчитанные на тяжелые танки. Как бы там ни было, а надо ждать.

Наша полковая артиллерия почему-то перестала стрелять, дым и пыль отнесло в сторону, и открылось жуткое и одновременно величественное зрелище: танки, танки и танки, докуда хватал глаз.

Вологжин глянул вверх по распадку, но корректировщиков там не увидел: то ли это действительно не наши, то ли еще не устроились на новом месте. Черт их разберет! И он связался с полком, чтобы выяснить, должны тут быть наши или не должны.

Долго не отвечали, наконец сказали: должны. Ну и слава богу, а то как-то тревожно и не знаешь, что делать.

Немцы встали, едва первый “тигр” нарвался на мину. И сразу же по замершим танкам с двух сторон открыли огонь наши противотанковые орудия и минометы. Вновь заговорила дивизионная артиллерия, расположенная километрах в трех-четыре от линии фронта. Немецкие танки открыли огонь по высотам, танки полетели в атаку на позиции полка подполковника Лысогорова, за ними бронетранспортеры с пехотой. Загромыхла немецкая артиллерия. Появились бомбардировщики. Вновь все затянуло пылью и дымом.

Вологжину вести огонь по танкам противника было не с руки: расстояние больше километра, попасть, конечно, можно, но лучше поберечь снаряды для ближнего боя. В ожидании, когда авиация проложит путь через минные поля, немецкие танки стали маневрировать, то подвигаясь вперед, то назад, лишь бы не стоять на месте. Даже “тигры” — и те вынуждены были шевелиться, чтобы не стать неподвижной мишенью, потому что, хотя снаряды советских семидесятишестимиллиметровых противотанковых орудий в лоб их стомиллиметровую броню не брали, однако корму, менее защищенную, вполне могли разворотить.

Но вот немецкая авиация мелкими бомбами проутюжила узкую полосу в минном поле, танки двинулись вперед и через несколько минут головные тигры вошли в зону, наиболее удобную для стрельбы с той позиции, которую занимал танк Вологжина. До ближайших целей было не более четырехсот метров, до дальних семьсот-восемьсот. Но все немецкие танки вынуждены втягиваться в узкую горловину, пробитую в минном поле авиацией, а это лишило их маневра.

“Тигры” ползли еле-еле. Они и по хорошей-то дороге могли развить скорость не более тридцати километров в час, а по местности, изрытой воронками от снарядов и бомб, едва вытягивали пятнадцать.

— Спокойно, Андрюша, — говорил Вологжин своему наводчику, двадцатидвухлетнему парню из Ижевска. — Он только по названию тигр, а на самом деле шакал, да и только.

Орудие дернулось, отскочило назад. Взрыв порохового заряда в метре от головы, это... это и сравнить не с чем. Особенно первый выстрел. Затем наступает некоторое привыкание: ты будто бы глхнешь, в голове стон и гул,

да и во всем теле не лучше, но деваться из этой тесной коробки все равно некуда, так что терпи и делай свое дело.

После выстрела на какое-то мгновение Вологжин не только оглох, но и ослеп. Вернее, глаза его сами собой закрылись, веки плотно сжались, и тело сжалось, но длилось это недолго. Он открыл глаза и увидел, что “тигр” горит.

— Молодец, Соболев! — похвалил он наводчика. — Теперь давай второго.

Второй в это время медленно объезжал своего горящего собрата. И объезжал не с той, а с этой стороны, явно не представляя, откуда пришла смерть головному танку. За ним тянулись остальные, нюхая воздух длинными стволами своих орудий, увенчанных хищными ноздрями дульных тормозов.

— Дай ему продвинуться еще метров тридцать-сорок, — говорил Вологжин, следя из командирской башенки за полем боя. — Это ничего, что их много, — продолжал он, чувствуя необоримое желание говорить и говорить, точно в этом заключалось их спасение. — Чем их больше, тем легче выбирать. Тем им труднее ориентироваться. Как говорится, у семи нянек дитя без глазу... А вот теперь влечи ему под башню...

И опять ударило по голове и по всему телу взрывом порохового заряда, оглушив и ослепив на мгновение, и Вологжин подумал об увеличенном калибре орудия, и уже не впервой: всего-то на девять миллиметров больше, чем в обычной “тридцатьчетверке”, а выстрел чуть ли ни вдвое сильнее. И неудивительно: у обычной “тридцатьчетверки” снаряд весит чуть больше шести килограммов, а здесь не менее пуда.

И второй “тигр” выдохнул из себя густое облако дыма, вспыхнул и тут же подпрыгнул на месте от взрыва боекомплекта, и круглая башня его, похожая на бочку, взлетела вверх, перевернулась, упала стволом вниз, несколько мгновений стояла на стволе как бы в раздумье, затем рухнула, взметнув бурю пыли, и Вологжину показалось, будто сама земля в испуге попыталась защититься от нее невидимыми руками.

— Молодец, Соболев! — прохрипел Вологжин и закашлялся, задохнувшись пороховыми газами, вырвавшимися из казенной части орудия.

Звякнула упавшая вниз гильза, а в казенник уже досылался третий снаряд, гудел вентилятор очистки воздуха...

— Не спеши, — продолжал командовать Вологжин. — Они нас все еще не обнаружили. И у них, судя по всему, приказ: идти вперед и не останавливаться ни при каких обстоятельствах. Пусть идут. Возьми-ка на прицел вон ту “пантеру”, что идет почти впритык следом за “тигром”. Да нет, не эту, а правее! Видать, боится, пытается прикрыться своим полосатым собратом, — нервно хохотнул Вологжин и даже сам подвигился этому своему хохоту. “С чего бы это вдруг?” — подумал он, следя за стволом орудия, медленно ползущим вслед за выбранной жертвой. — Мы, чего доброго, сегодня можем рекорд поставить, — продолжал он говорить, внешне спокойно и даже насмешливо, а внутри у него все звенело от напряжения, каждая жилочка, каждый нерв. И не от страха, нет. Какой тут страх! А оттого, что ему в модифицированной “тридцатьчетверке” отведена роль наблюдателя. Когда сам ведешь огонь, совсем другое дело. Тогда все внимание сосредоточено на цели, а тут... — Я слышал, — звучал в наушниках членов экипажа его внешне спокойный и даже насмешливый голос, — ...слышал, что на Ленинградском фронте одна “тридцатьчетверка” из засады расстреляла восемь “тигров”. Еще в сентябре сорок первого. Говорили, что в одном из них сидела какая-то крупная немецкая шишка. А у нас уже два. “Пантеру” вполне можно приравнять к “тигру”. Так что давай, Андрюша. “Звездочку” ты уже заработал. Жми на “Красное Знамя”!

Выстрел, откат, жалобный звон опорожненной гильзы, захлебывающийся вой вентилятора...

На этот раз Вологжин выдержал выстрел, не закрыв глаза: ко всему привыкаешь — и увидел, как дернулась “пантера”, будто живое существо, а затем рванула, захлебнувшись огнем и дымом. Но он заметил и другое: стволы многих танков стали поворачиваться и задирались в их сторону. Он даже разглядел черные дыры этих стволов. Засекли, сволочи!

— Теперь давай “тигра”! — скомандовал он.

Но немцы опередили: вокруг рвануло сразу с полдюжины снарядов, затем еще и еще. Но ни один не задел танк, а лишь камни посыпались сверху, поднятые взрывами, загрохотали по танковой броне, и на минуту все заволочло дымом и белой известковой пылью.

— Вот сволочи, Гитлера их мать! — выругался Вологжин. И подумал: “Эдак они нас ослепят, и нам останется только хлопать глазами. Хоть бы ветер подул...”

И он переключился на внешнюю связь:

— Двухсотые! Я — “восемнадцатый”. Как там у вас?

— Нормально, “восемнадцатый”.

— Нас засекли, пыль, дым, ни черта не видно. Но вы не спешите. Пусть подойдут поближе. И заранее распределите цели, чтобы не палить в упор по одному и тому же танку.

— Уже распределили, “восемнадцатый”.

— Все. До связи.

Дым все-таки отнесло, пыль тоже. Немцы больше не стреляли. Они выжимали из своих танков все что могли, и ревом их моторов заглушило все звуки.

— Андрюша, как видимость?

— Нормальная, товарищ майор.

— Давай по головному.

— Есть по головному.

Выстрел, откат, звон упавшей вниз гильзы...

— Четвертый, — произнес Соболев, не дождавшийся, чтобы командир как-то откликнулся на этот выстрел.

— Хорошо, — не сразу произнес Вологжин своим обычным спокойным голосом; у него вдруг пропало желание говорить.

— Давай пятого — и будет по одному на брата! — послышался голос механика-водителя сержанта Прутникова.

И тут рвануло.

Острая боль охватила все тело Вологжина, и он провалился в бездну.

7

Вологжин очнулся и вновь почувствовал острую боль во всем теле. Но так не бывает, чтобы во всем: это он знал из опыта прошлых ранений. И он стал мысленно ощупывать свое тело. Боледа левая нога, но не остро, а ноющей болью. Ныла левая же рука и весь бок. Скорее всего, контузия. Еще выше... И тут он понял, что вся боль сосредоточена в глазах. Именно их жгло и резало нестерпимо. Он пошевелил левой рукой — шевелится. Правой — то же самое. Тогда он поднял руку и дотронулся до своего лица: лицо было мокрое и липкое от крови. “Это ничего, — подумал он. — С лица воду не пить”. Но чем выше поднималась рука, тем сильнее его охватывала паника, и он уже понимал: с глазами что-то неладное. Они не открывались. Более того, он боялся их открыть. А пальцы сами собой поднимались вверх, ощупывали подбородок, губы, нос: в крови, но все вроде бы на месте. И наконец глаза. Едва он прикоснулся к ним, как боль усилилась настолько, что он не выдержал и застонал.

— Товарищ майор, — донеслось до его слуха. — Товарищ командир, вы живы?

— Кажется, жив, — прохрипел Вологжин. И спросил, не узнав голоса: — Прутников? Ты, что ли?

— Никак нет, товарищ майор. Я — Сотников, стрелок. А Прутникова убило. И Ластикова, заряжающего, тоже. И Андрюху Соболева... Я думал, и вас тоже, а вы, оказывается, живы. Я так рад, товарищ майор.

И Вологжин услышал, что Сотников плачет.

— Ты что, Сотников! Как не стыдно! И с чего ты взял, что все погибли? Может, без сознания, — говорил Вологжин, с трудом шевеля изранен-

ными губами и неповоротливым языком. — Ты лучше скажи, что сейчас вокруг делается, а то я ничего не вижу... С глазами у меня что-то...

— Так мне отсюда ничего не видно, товарищ майор. Я знаю только, что нас завалило взрывом. А больше я ничего не знаю, товарищ майор.

И снизу опять послышался приглушенный всхлип.

“Мальчишка, однако”, — подумал Вологжин, пытаюсь вспомнить, как зовут стрелка.

Не вспоминалось. К тому же мешала боль и страх, что глаз-то у него... И тогда, преодолев себя, он дотронулся до правого глаза одним пальцем, и почувствовал, что палец будто проваливается в дыру, хотя он, его палец, оставившись на какой-то границе, которую раньше не перешагивал и о существовании которой помнил, потому что дальше было глазное яблоко, а теперь его не было, и век тоже не было, а было что-то липкое. Сстиснув зубы, Вологжин точно таким же образом исследовал и второй глаз — на месте второго глаза тоже была дыра.

“Довоевался”, — подумал он, но подумал так, будто речь шла не о нем, а о ком-то другом. Потому что представить себя слепым, с провалившимися глазами, не мог. Кого угодно, но только не себя.

— Что будем делать, товарищ майор? — донесся до его слуха голос Сотникова, отвлекая Вологжина от еще не вполне осознанной утраты. — У нас даже нижний лок не открывается.

— А что нам делать, Сотников? Ждать, вот что нам остается делать. Ты вот что, парень... Сам-то как? Ранен?

— Никак нет, товарищ майор. Контузило маленько. В голове шум и спина болит.

— Ничего, пройдет. Бой кончится, наши придут, вытащат нас отсюда. Ты вот что, Артём... Тебя Артёмом зовут? Так?

— Никак нет, товарищ майор. Артёмом заряжающего зовут, Ластикова. А меня Тимофеем.

— Ты вот что, Тимоша. Ты еще раз хорошенько проверь ребят, может, кто и жив. Ты на шее трогай, под подбородком. Там жила проходит.

Внизу завозились, послышался звон отстрелянных гильз. Потом опять всхлип.

— Мертвый он, товарищ майор, — послышался снизу плачущий голос. — Холодный уже.

— Как холодный? — удивился Вологжин. — Сколько же мы тут?..

— Вечер уже, товарищ майор. Уже все тихо, не стреляют. Побили наших, товарищ майор. Всех побили.

— Ну ты это брось, парень! Ишь выдумал: побили. Всех побить не могли. Не те времена. Отступили наши. Потому что сила у фрицев страшная. Но далеко они не пройдут. У нас тоже сила будь здоров какая. Сам же видел, как мы их щелкали. А сзади нас другие наши войска стоят, они не пропустят.

Вологжин замолчал и прислушался: бой шел, но где-то далеко, его звуки доносились глухо, как сквозь подушку. Может, со слухом у него тоже, а не только глаза... Но он заставил себя не думать о своих глазах — и даже боль от этого стала тише.

— Давай лезь сюда, наверх, Тимоша, — позвал Вологжин. — Проверь остальных.

Снова зазвенели гильзы, затем возле ног послышалось кряхтение и шумное дыхание живого человека.

— Соболев тоже мертвый, товарищ майор, — произнес Сотников, на этот раз без всхлипа.

— Стащи его вниз, — приказал Вологжин.

Внизу запыхтело, послышалось бряцание чего-то, затем все стихло.

— Ну ты чего там застрял? — спросил Вологжин.

— У него пальцев на руке нету, товарищ майор, — опять всхлипнул Сотников.

— Мертвому пальцы не нужны, — оборвал всхлипы Вологжин. — Держись, солдат. Еще неизвестно, сколько нам тут торчать придется. Тащи давай вниз Ластикова. Если мертвый.

— Мертвый, товарищ майор. У него череп весь... прямо ужас один...

— Лезь сюда и не мямли! Не девочка, чай. Сожми себя в кулак и держись! Ясно?

— Так точно, товарищ майор. А только жалко ребят... страсть, как жалко.

— Что тут поделаешь, Тимоша. Радуйся, что жив остался и не ранен. Теперь нам выжить надо, пока наши не придут.

Мимо, задевая Вологжина, вниз потянулось тело заряжающего, и руки его, казалось, цеплялись за комбинезон Вологжина, точно Ластиков был еще жив. Потом какое-то время было тихо, но Вологжин не стал подгонять парня: в девятнадцать лет испытать такое — не всякий взрослый мужик выдержит.

Затем, уже легкими движениями ощупывая Вологжина, боясь его задеть, Тимофей Сотников уселся на место заряжающего и шумно, с привехлипом, выдохнул воздух.

— Ты меня видишь? — спросил Вологжин, дотронувшись до плеча Сотникова.

— Вижу, товарищ майор.

— И что?

— Лицо у вас... в крови.

— А глаза?

— Тоже... кровь одна... и что-то на ниточке висит... вроде как глаз, товарищ майор.

— Отрежь. Возьми пакет и перевяжи.

— Сейчас, товарищ майор, я только руки вытру.

— Не спеши. Нам теперь спешить некуда... А что видно вокруг?

— Немцы, товарищ майор, — перешел на шепот Сотников.

— Что, близко?

— Нет, там, на дороге. Танки свои растаскивают. Мертвяков собирают.

— Еще что видишь?

— Больше ничего. Вечер уже, товарищ майор. Видно плохо. И дым. Они потом дымовую завесу пустили и поперли. Наши, Арапников и Семенов, долго стреляли, а потом стихли. Не знаю, ушли или остались.

— А ты посмотри: их же видно было.

— Я смотрел: нету.

— А рядом фрицев нет?

— Не видно, товарищ майор.

— Ладно. Перевязывай.

Вологжин запрокинул лицо, сидел, сжав зубы до ломоты в скулах. Он слышал, как Сотников, сдерживая дыхание, осторожно прикасается к его лицу, как он что-то отлепил от него, затем лица коснулась прохладная сталь армейского ножа. Потом мокрые тампоны обтерли лицо, и на него стали ложиться шершавые, до дрожи во всем теле, сухие полосы бинта.

Сотников долго и неумело обматывал его голову, сопя от напряжения.

— Уши-то не закрывай! Еще могут пригодиться. Если я не вижу, то хотя бы тебя могу слышать... Вот так вот, во-от. Молодец, — подбадривал Сотникова Вологжин. — Вот кончится война, Тимоша, приедешь ко мне в Череповец, в гости, станем вспоминать, как воевали вместе, выпьем по чарке... Да-а... Жизнь станет хорошей... после войны-то. Совсем другой станет. Вот увидишь... Пойдем с тобой на рыбалку... У нас рыбы — страсть как много. Всякой. Две реки рядом: Шексна и Ягорба. И Волга не шибко далеко от нас. Да-а. И на уду, и сетью... Уху сообразим... Будь здоров какая уха у нас с тобой получится... Сам-то откуда будешь?

— С Новочеркасска, товарищ майор. У нас на Дону тоже рыбы много.

Где-то рядом зарокотал пулемет, наш, Дегтярева. Бухнули одна за другой две гранаты, бабахнули винтовочные выстрелы, зачечекал немецкий автомат. Потом совсем рядом затопало, послышались голоса, сперва не разрешишь из-за стрельбы, чьи, и Сотников вдруг вскрикнул, но Вологжин вцепился в его руку, зашипел, угадав в невнятных голосах не русский, чужой выговор.

Шаги и выстрелы накатили, стали подниматься вверх, еще раз зашелся длинной очередью “дегтярь”, сильно рвануло, похоже на связку гранат, и все стихло. И долго сидели Вологжин и Сотников, прислушиваясь к этой тишине.

— Корректировщики, — прошептал Сотников.

— Похоже, что так, — согласился Вологжин. — Как стемнеет, попробуем выбраться, — произнес он после длительной паузы. — Ноги у меня вроде бы...

Но тут залягало совсем рядом, у подошвы гряды, там, где недавно таились два его танка. Раздались лающие команды, рокот моторов, удары кирок и ломов по каменной почве.

— Что там? — спросил Вологжин, хотя мог бы и не спрашивать: такие звуки говорили о том, что немцы готовят позиции для своих орудий, и выбираться из танка — попасть им в лапы.

— Немцы, товарищ майор. Пушки устанавливают. А по дороге танки идут. Много танков, товарищ майор.

— Ты вот что, Сотников. Давай поменяемся с тобой местами. С моего места лучше видно. Будешь смотреть, докладывать, что и как. — А у самого в голове: “Зачем мне это? Что с этим делать?” И в то же время что-то толкало его делать нечто привычное, что положено делать по должности и по всякому другому.

С трудом владея своим непослушным и ставшим неожиданно громоздким телом, Вологжин с помощью Сотникова перебрался на место заряжающего, которое располагалось чуть впереди и чуть ниже. Умостившись, ощутил казенник орудия: оно стояло на боевом взводе, то есть снаряд был в стволе, спусковой механизм — только нажми, и грянет выстрел. Открыв затвор, забрызганный чем-то липким, он вытащил снаряд и положил его в желоб откатника. Работа вроде не такая уж тяжелая, а он задыхался и чувствовал временами, что вот-вот потеряет сознание.

8

Утро разгоралось медленно, но Вологжин, мучаясь болью и лишь изредка проваливаясь в сон, не видел занимающейся зари. Зато он чувствовал сладковатый запах начавших разлагаться трупов. Было ясно: им здесь сидеть и ждать, и терпеть, потому что другого не дано. А дано ему, скорее всего, заражение крови, столбняк или еще что-нибудь в этом роде. Так не лучше ли застрелиться и отпустить Сотникова на все четыре стороны? Вернее, приказать ему уйти, как только стемнеет, чтобы добрался до наших, передал... хотя передавать, в сущности, и нечего... и уж потом застрелиться, чтобы зря не мучиться, а главное... главное — не возвращаться домой слепым калекой, не садиться на шею молодой жене, не возвращаться к детям, которым не сможет дать ничего, — будущее свое он не мог себе представить, оно было противоестественно и мучительно... и рука сама собой нащарила кобуру, щелкнула кнопка, освобождая крышку...

— Товарищ майор, — снова послышался всхлипывающий голос Сотникова.

— Что тебе?

— Немцы... Немцы наших по дороге гонят. Пленных...

— Много?

— Человек двадцать.

— Что ж тут поделаешь, брат: война.

— А как же мы?

— Ты вот что. День как-нибудь переживем, а едва стемнеет, выбирайся из танка и иди к нашим. Скажешь, что так, мол, и так, немцы устанавливают пушки... ну и... что по дороге еще увидишь.

— Как же я вас брошу, товарищ майор? Мы это... лучше по радиации передадим...

— По радиации, — усмехнулся Вологжин. — Радиация-то, небось, вдребезги. Хотя... чем черт не шутит... Посмотри, что там с радиацией.

И какая-то надежда вспыхнула в нем и зазвенела тоненькой, туго натянутой жилкой. Он сидел и слушал, как Сотников возится внизу, чем-то брякая осторожно, и эти звуки возвращали его к жизни. Он подумал, что Сотников вряд ли сумеет пройти незамеченным через плотные порядки противника, а здесь, в танке, они могут дожидаться наших, а там... а застрелиться он успеет всегда, зато помочь этому несмышленишу выкарабкаться — его святая обязанность и как командира, и как человека.

— Товарищ майор, — послышался сдавленный шепот Сотникова.

— Чего тебе?

— Я в туалет хочу... Силов нету терпеть.

— Спустись вниз и сделай, что тебе надо.

— Как же это? Там же ребята...

— Тогда терпи. Или в штаны. Нам из танка выбираться нельзя.

— Вонять будет...

— А сейчас что? “Красной Москвой” пахнет? Днем, когда жара начнется, трупная вонь еще сильнее будет. Одной вонью больше, одной меньше... Терпи. Нам до победы дожить нужно. Нам с тобой в их проклятом Берлине побывать нужно, — говорил Вологжин с накалявающей на него ненавистью и отчаянием, понимая, что ему в Берлине не бывать, что вообще уже ничему в его жизни не бывать, зато можно как-то погромче закончить эту жизнь, чтобы... Но как именно, он еще не знал, хотя был уверен, что придумать что-то можно. И он продолжал хрипло кидать в сторону притихшего Сотникова слова, дышащие отчаянием и ненавистью: — А это... это со временем забудется, как дурной сон... Если сможет забыться... А потом... потом мы им, сукам, все припомним. Мы у них, в их поганой Германии, дай срок, все вверх дном перевернем. Ради этого жить надо, Сотников. Жить и терпеть. Ты меня понял?

— Так точно, товарищ майор. Понял.

— Ну вот и славно, — выдохнул Вологжин и замолк.

Долго не было слышно ничего. Лишь вдалеке долбила артиллерия. Затем с торжествующим гулом прошли над головой наши штурмовики. Через пару минут где-то загрохотало.

— Сотников, где ты там? — окликнул Вологжин стрелка и протянул руку.

— Здесь я, товарищ командир.

— Рацию смотрел?

— Смотрел: провод питания перебит.

— Так замени. У Прутникова в бардачке все есть.

— Я знаю.

— А знаешь, так давай действуй. И посмотри: там фляжки с водой должны быть, сухпай. Водка должна быть. Тащи все наверх. А еще — магнит.

— А магнит-то зачем?

— Осколки из глаз вытащить: мозжит ужасно.

Послышалось сопенье, накатила новая вонь — от тошноты, но Вологжин проглотил слюну и откинулся на спинку сидения. Он вспомнил, как однажды, еще до войны, пришлось ему побывать в морге для опознания своего красноармейца, погибшего во время взрыва склада с боеприпасами, и как среди этих трупов, лежащих на подтаивающих глыбах льда, присыпанных опилками, два человека в грязных халатах ели яблоки, с хрустом вгрызаясь в них крепкими зубами. Его тогда чуть не вырвало. А потом, когда началась война, случалось такое, что сравнивать с моргом — считай, что не с чем.

Послышались лающие команды. Залязгали оружейные затворы. “Фойер!” — и ударило орудие.

“Пожалуй, калибром сто сорок, — подумал Вологжин. — Ведут пристрелку. Потом начнут крыть беглым. Значит, наши близко, недалеко отошли”.

— Вот, — послышался рядом голос Сотникова. — Принес.

— А связь? Связь восстановил?

— Еще нет, товарищ майор. Главное, аккумуляторы исправны. А рация... пока еще не знаю. Подключусь, тогда и узнаю.

— Поторопись, Тимоша. Хорошо бы своим товарищам помочь. Корректировщики, видать, погибли или ушли. Теперь наша очередь.

Рация оказалась целой. Из этого Вологжин сделал вывод, что слева от танка рванула бомба большой мощности. А может, и не бомба, а снаряд из самоходки. И все, кто находился слева, погибли от осколков, вырванных из танковой брони ударной волной или болванкой, погибли, прикрыв своими телами его и Сотникова. Вот только глаза самого Вологжина не были прикрыты ничем и никем: во время взрыва он смотрел на поле боя через прорези своей командирской башни.

— Дай мне шлемофон, Сотников: мой не работает, — велел Вологжин и, приняв у стрелка шлемофон, попытался натянуть на голову, но Сотников столько наматал на нее бинтов, что и пытаться бесполезно.

Положив шлемофон на колени, Вологжин, стиснув зубы, принялся сматывать окровавленные бинты. Потом, передохнув и сжавшись от предчувствия еще более сильной боли, поднес к глазам подковообразный магнит. И боль, точно, резанула его по глазам и остановилась на каком-то пороге. Следовательно, за минувшие часы в глазницах кровь застыла, и магнит не может вытащить осколки. Вологжин отвел магнит от глаз и некоторое время сидел, пережидая, пока боль не утихнет. Затем велел Сотникову смочить марлевые тампоны водкой и приложил их к глазницам. Боль, но уже другого рода, ударила в голову и помутила сознание. Вологжин терпел, не отнимая рук от лица, скрипел зубами, мычал. И перетерпел: боль стихла, голову обволокло чем-то вроде блаженства, когда ничего не хочется, а лишь бы это состояние длилось вечно. Но через какое-то время возникла другая боль, пульсирующая, и стала нарастать, охватывая всю голову.

Вологжин убрал тампоны и снова резко приблизил к глазницам магнит: глаза, или то, что от них осталось, обожгло, а затем вновь наступило уже знакомое блаженство исчезновения сильной боли. Решив, что больше ничего сделать не сможет, он попросил Сотникова наложить на глаза легкую повязку с тампонами, и только после этого шлемофон налез на голову. И еще какое-то время потребовалось на то, чтобы успокоиться и собраться с мыслями.

По-прежнему методично стреляли немецкие орудия, а со стороны дороги доносился прерывистый гул моторов.

— Все прут и прут, товарищ майор, — звучал сбоку отчаянный шепот Сотникова. — Просто ужас какой-то, как их много.

— Чего много?

— Танков и всяких машин.

— Ничего, сейчас много, через час станет меньше.

Включив рацию, Вологжин пощелкал переключателем, переходя с одной фиксированной волны на другую, и наконец наткнулся на родной голос, правда, далекий и еле слышный, который просил “Ромашку” ударить по квадрату 12-40. Влезать в переговоры “Ромашки” с кем-то еще не имело смысла. Лучше всего выходить на свою связную рацию при штабе полка подполковника Лысогорова — если он выжил и отошел со своей позиции на следующую. Есть еще рация у начальника штаба отдельного танкового батальона капитана Тетеркина. Но начинать надо с “семинадцатого”: у него артиллерия, у него связь с дивизией.

“Семинадцатый” не отвечал долго. Вологжин уж отчаялся до него докричаться. Наконец после щелчка прорвался чей-то голос:

— “Семинадцатый” слушает “восемнадцатого”. Прием.

— “Семинадцатый”! Я нахожусь на старой позиции. Выбраться не могу: вокруг фрицы. В пределах видимости от меня несколько немецких батарей ведут огонь. По дороге в квадрате 54-16 все время движутся танки и тыловые части обеспечения. Готов корректировать огонь артиллерии. Прием.

— “Восемнадцатый”! Номер вашего танка, ваша фамилия, звание и фамилии офицеров вашего штаба, — после некоторой паузы отчеканил далекий голос.

“Не верят! — изумился Вологжин. — Вот сволочи! Тут каждая минута

дорога, а они...” Однако Вологжин справился с нахлынувшей на него злостью и передал требуемые данные. После этого последовала команда:

— Ждите на связи.

Прошло не менее получаса, прежде чем “семнадцатый” заговорил вновь:

— “Восемнадцатый”! Переходите на третью волну! Смените позывные на резервные.

Вологжин пощелкал переключателем, услышал знакомые позывные на мотив песни из кинофильма “Волга-Волга”.

— “Енисей”! Я — “Байкал”! Прием!

— Даем пристрелочный, — послышалось в наушниках, и у Вологжина отлегло от сердца. И даже боль в глазах будто бы утихла совсем.

— Сотников, — позвал он громко, потому что голос заглушило новым залпом немецких батарей. — Наши начинают пристрелку. Корректируй. Имей в виду, что справа от нас левая сторона, слева — правая.

— Есть! — вскрикнул Сотников.

— Не ори и следи за обстановкой. Где лег снаряд?

— Метрах в трехстах впереди и правее. То есть левее с их стороны метров на пятьсот.

— “Енисей”! Я “Байкал”! Недолет триста, правее пятьсот.

— “Байкал”! Вас понял: недолет триста, правее пятьсот. Даем пристрелочный.

— Смотри, Тимоха! Внимательно смотри! — велел Вологжин Сотникову.

Рвануло у них за спиной метров на двести выше по скату.

Вологжин дал новую поправку. На этот раз снаряд ударил между двумя орудиями.

— Есть попадание! — сообщил Вологжин.

И через пару минут там, где стояли немецкие орудия, разверзся ад из множества разрывов, и вскоре все затянуло дымом и пылью.

— Вот так вот, милый ты мой Тимоха, — с чувством произнес Вологжин. — А ты говорил: их много. Теперь стало поменьше. Мы еще с тобой повоюем.

После разгрома немецких батарей и налета наших штурмовиков на тыловую колонну с горючим и боеприпасами все вокруг на какое-то время стихло и затаилось.

— Давай перекусим, — предложил Вологжин. — И дай-ка мне глотнуть из фляги.

Он отпил несколько глотков, почувствовал, как внутри у него разлилось благодатное тепло. Сотников намазывал на ломти хлеба свиную тушенку, совал их в руки Вологжина, и тот ел, мучительно напрягая слух. Оказывается, слушать, зная, что не можешь увидеть, не так-то просто. А раньше это не вызывало никаких затруднений. И не понять, в чем тут дело и как это связано с потерей зрения. А может, у него и со слухом все-таки не все ладно? И он время от времени переспрашивал у Сотникова:

— Ты ничего не слышишь?

— Нет, товарищ майор. То есть я слышу, что стреляют где-то далеко, а рядом... рядом пока все тихо.

— Вот то-то и оно, что тихо. А почему? Ты посмотри, Тимоха, что там делается.

— Я смотрю, товарищ майор. Немцы убитых собирают, повозки ездят, пушки ихние валяются, машины горят... Вот... Ага, вот какая-то машина приехала. Вроде как легковая. Мотоциклисты, бронетранспортер — охрана, значит. Какой-то немецкий командир из машины вылез... может, генерал... все перед ним тянутся... рукой повел так, знаете ли, будто все это ихнее и потому должен быть порядок. Вот он опять сел в машину, поехал... повернули в сторону фронта... то есть туда, где наши. А больше ничего не видно.

— Ладно, ты ешь, но по сторонам поглядывай постоянно. Генерал там или кто, а приезжал сюда он не зря. И насчет порядка — ты это верно подметил: беспорядок это, когда столько пушек русские раздолбали. Неспроста

это, думает этот их генерал. Значит, сейчас они забегают. Станут искать, что и откуда. Так что ты смотри в оба, а то засекут нас — и хана.

— Я смотрю, товарищ майор.

— А танки наши — ты их нигде не видишь? Посмотри, нет ли возле лесочка?

— Никак нет, товарищ майор. Нету наших танков. Отошли, наверное. Я так думаю, товарищ майор, что приказ был, вот они и отошли. Без приказа бы стояли — за это я головой ручаюсь.

— Я и сам, Тимоха, знаю, что стояли бы, — согласился Вологжин.

И вспомнил он с сожалением, что письмо заводскому представителю так и не отправил, и теперь лежит оно в его полевой сумке. А ведь танки хорошо себя показали. И “тигров” шлепали, как гнилые орехи, и броня покрепче стала против прежней: сколько снарядов от нее отскочило, иные и различного калибра. У старой “тридцатьчетверки” башню точно бы снесло, а эта выдержала, только изнутри осколки вырвало. Может, с закалкой что-нибудь не так, может, перекалили башню-то. И все остальное. Но главное, маневренность не стала хуже. Хотя мотор тот же, что и на старой “тридцатьчетверке”, а вес танка вырос тонн, считай, на пять-шесть. То есть лошадиных сил на тонну веса стало чуть меньше. И орудие... Пушка, конечно, хорошая, но надо бы как-то уменьшить звук при выстреле, и пороховые газы хорошо бы выбрасывать за борт полностью, как это на американских танках устроено. Впрочем, можно и потерпеть. Главное, победить, а там все наладится.

Под вечер они еще раз вызвали огонь нашей артиллерии на колонну немецких танков и машин, направлявшихся к фронту. На этот раз ударили “катюши”, и всю лошину между двумя возвышенностями перепалили своими ракетами, так что колонна превратилась в горящие и взрывающиеся кучи металла с разбросанными вокруг телами убитых фрицев.

А через час возле танка остановилось четверо немцев. Один из них залез на башню, заглядывал в смотровые щели, принохивался, прикинул ухом, стараясь уловить хоть какие-то признаки жизни, потом что-то сказал своим товарищам, и из всего сказанного Вологжин уловил лишь несколько слов: “Фу! Шайзе!” и “Аллес тотен”, то есть воняет и все мертвые. Однако немцы на всякий случай постучали прикладами по броне, один из них крикнул:

— Русс! Ком, ком! Вэг! Бистро! Бистро! Шиссен! — в том смысле, что, мол, русские, мы знаем, что вы там прячетесь, вылазьте, а то будем стрелять.

Постояв и не дождавшись ответа, они сбили прикладами винтовок антенну, затем сунули в ствол орудия гранату и отскочили в сторону. В стволе рвануло, но поскольку затвор был закрыт, вся энергия взрыва вырвалась наружу, не причинив танку никакого вреда. Потом они сделали несколько выстрелов из автомата в смотровую щель командирской башенки, но большинство пуль ударялось в противоположную стенку ее, падали вниз, израсходовав свою энергию. Однако одна нашла путь в саму башню и воткнулась Вологжину в ногу повыше колена, другая выдрала у Сотникова из плеча кусок кожи.

Постреляв, немцы какое-то время топтались возле танка, курили, о чем-то лениво переговаривались. Хотя Вологжин немецкий учил в школе и в танковом училище, в анкете писал, что “владеет немецким со словарем”, на самом же деле за годы армейской службы язык забыл начисто, вспомнить мог лишь отдельные слова, поэтому из разговоров немцев ничего не понял и пожалел, что так безответственно относился к знаниям, которые в него когда-то вложили, истратив зря народные деньги.

Немцы покурили и ушли, а Вологжин с Сотниковым занялись извлечением пули из ноги Вологжина и перевязками. А когда совсем стемнело, восстановили антенну, но не ту, которую сбили немцы, а просто выбросили кусок изолированного провода через смотровую щель.

“Надо давать другие координаты цели, — решил Вологжин. — Иначе фрицы вернутся и на этот раз не ограничатся автоматной очередью и грана-

той в орудийный ствол. Тем более что еще днем Сотников заметил: если раньше немецкие машины сворачивали влево, то теперь ехали прямо к реке, где, похоже, соорудили переправу". Об этом Вологжин и передал "Енисею", как и о том, что немцы ищут корректировщиков.

Ночью, едва стемнело, на дороге вновь возобновилось довольно оживленное движение транспортных колонн. На этот раз, вызвав артиллерию, дали ей координаты, на целых два километра смещенные к северо-востоку, к реке: пусть фрицы думают, что корректировщики сменили позицию. Снова по цели сработали "катюши", но результат их работы отсюда во всех подробностях виден не был — только горящие бензовозы да взрывающиеся боеприпасы. А сколько чего — не разглядишь.

9

День проходил, наступала ночь, за ней новый день. Нещадно палило солнце, башня накалялась, воздух в танке, пропитанный миазмами, казалось, превращался в некую жидкость, лишенную даже намека на кислород. И мухи... Они наполнили танк, жужжали, ползали по лицу, лезли в ноздри, в уши, в рот. За броней слышалось попискивание трясогузок, охотящихся за мухами, непрерывное густое стрекотание кузнечиков и сверчков: жизнь продолжалась. Вологжина окутывало беспомыслие, он стонал, ругался, хрипел. Сотников тряс его за плечо, прикладывал к лицу мокрую тряпку, Вологжин успокаивался и отходил.

Этот мальчишка оказался выносливым и терпеливым. Он не жаловался и, казалось, даже не спал, наблюдая за окрестностями. Более того, он оказался еще и весьма изобретательным. После того как они попробовали дышать через противогаз и у них из этого ничего не получилось, он отсоединил трубки от фильтра и высунул их кончики в смотровые щели. Дышать стало легче. Но сильнее раскаленной на солнце брони танка и спертого воздуха угнетало бездействие.

Немцы артиллерию на прежнее место ставить не стали, и неизвестно, оттого ли, что здесь были уничтожены несколько их орудий, или оттого, что их танки ушли так далеко, что в их поддержке с такого расстояния не было нужды. К тому же и дорога, по которой еще недавно осуществлялось непрерывное перемещение войск и техники, теперь почти опустела, разве что иногда проедет бронетранспортер в сопровождении десятка мотоциклистов, санитарная машина или пара танков, возвращающихся в часть после ремонта, так что вызывать огонь артиллерии на столь ничтожные цели не имело смысла. Можно было бы самим пальнуть разок-другой, но Вологжин верил: немцы вот-вот должны побежать назад, и тогда им этой дороги не миновать. Он так и ответил "Енисею" на его запрос.

Ночью Сотников с осторожностью открывал командирский люк, и они по очереди дышали прохладным ночным воздухом.

Когда днем дышать становилось неважно, а привыкание то наступало на какое-то время, то отступало, Вологжин подумывал о том, чтобы вообще покинуть танк ночью, найти какое-нибудь укрытие, там и переждать, но его удерживали собственная беспомощность, незнание обстановки за пределами видимости из танка и движение по дороге, хотя и не столь оживленное, но не прекращающееся ни днем, ни ночью. Было слышно, как тархтели подводы, подвывали моторами одиночные грузовики и танки, шла пехота — и тоже мелкими подразделениями. Наша артиллерия время от времени постреливала, но чаще всего налетали штурмовики, днем — большими группами, ночью — по одному, по два, выпускали осветительные ракеты и прочесывали дорогу пулеметами, пушками и ракетами, оставляя на ней то горящие цистерны, то дымящийся танк, то трупы солдат и лошадей. Иногда — и чаще всего днем и совершенно неожиданно — обнаруживались по соседству с танком забредшие сюда по каким-то своим надобностям небольшие группы немецких солдат, и тогда Сотников втягивал внутрь антенну и выдерживал из щелей гофрированные трубки.

На третий или четвертый день на самой вершине гряды, метрах в пятистах от того места, где стоял танк, немцы установили зенитную батарею, которая встречала огнем наши штурмовики и пролетающие мимо самолеты. Оттуда, особенно по ночам, были слышны чужие голоса, скрежет киров и лопат, урчание машин, а когда зенитки стреляли, даже жестяной звон выбрасываемых гильз. А вчера на том месте, где стояли разгромленные немецкие батареи, вновь появились немцы и начали копать, только не поймешь, что и для чего.

В танке между тем кончались и вода, и еда. И неизвестно, сколько им еще ждать нашего наступления.

— Какой сегодня день? — спросил Вологжин привычным шепотом у своего товарища по несчастью, предварительно потрогав его рукой.

— А? Что? День? — встрепенулся задремавший Сотников. — Не помню, товарищ майор, — шепотом же ответил он. — По-моему, воскресенье.

— Я не об этом тебя спрашиваю. Число какое?

— Не знаю. Думаю, десятое или одиннадцатое.

— Как там у нас с водой?

— Одна фляжка осталась, товарищ майор. Пить хотите? Вы пейте, я не хочу.

— Я тоже не хочу, — соврал Вологжин и облизал сухим языком потрескавшиеся губы. — А сколько сейчас времени?

— Три часа семнадцать минут, — ответил Сотников, взглядевшись в командирские часы, отданные ему Вологжиным. И добавил: — Похоже, дождь собирается. Может, воды удастся раздобыть. Я вот все думаю-думаю и никак придумать не могу, как это сделать. Люк открывать нельзя, потому как фрицы близко, а не открывать, ничего нам не натечет.

— А ты попробуй открыть люк механика.

— Пробовал. Но только он так завален землей и камнями, что я чуть приподнял, а оттуда как посыплется, как посыплется...

— Хорошо бы, если бы дождь пошел ночью...

— Хорошо бы, товарищ майор. А только... Слышите гром? Слышите? Гроза идет. А до вечера еще далеко... Если фрицы попрячутся, я тогда каску выставлю...

— А что они сейчас делают?

— Окопы роют или что — уж и не знаю...

— А ты посмотри повнимательнее. Может, это саперы, — говорил Вологжин, ощупывая панораму. — Если саперы, то вооружены только винтовками. У саперов петлицы черные, на рукавах черные нашивки с молоточками. Не исключено, что они готовят позиции для противотанковых орудий. Если это так, значит, фрицы выдохлись, драпать собираются и выставляют заслоны. Смотри, Тимоша, внимательнее смотри. Это очень важно. И говори обо всем, что видишь.

— А ничего не видно, товарищ майор. Линзы в панораме потрескались. Но я и так вижу в щель, что это саперы. Винтовки составили в козлы, часовые ходят, а сами раздетые по пояс. Здоровые, однако, гогочут... Слышите? Нет?

— Слышу.

— Офицер среди них ходит, погоняет... — докладывал Сотников. — Брустверы на север выводят, товарищ майор. По бокам окопы, а посредине квадрат.

— Вот-вот, Тимоха! Так оно и есть. Квадрат этот называется двориком, в нем размещают орудие. Значит, немного нам осталось ждать. Значит, наши дали им жару, драпать они, сволочи, собираются... — возбужденно говорил Вологжин, запрокинув голову, прислушиваясь к доносящимся снизу звукам, разделяя их и анализируя. — Нам бы еще ствол своего орудия прочистить банником: осколки там от гранаты, земля, песок. Разорвать ствол может при первом же выстреле.

— Я прочищу, товарищ майор. Ночью, когда наши подойдут, стрельба начнется, никто не увидит...

— Нет, бесполезно все это. Ты вот что, Тимофей. Ты выгаци снаряд из гильзы. Один всего снаряд. Отсыпь часть пороха. Заткни какой-нибудь тряпкой. Как только начнется, пальцем этой тряпкой — ствол и очистится.

— Здорово, товарищ майор! Но как же без прицела?

— А так — через ствол прицеливаться будешь. Поймаешь цель и начинаешь ее вести, если она движется, скажем, по стволу орудия. Потом снаряд в казенник и выстрел. А если он, сволочь, стоит, так и того легче.

— Я освою, товарищ майор. Вот увидите. Я сообразительный. Не беспокойтесь.

— Да-да, Тимоха. Обязательно освоишь. Мы еще им покажем. Снарядов у нас полный комплект. Всего четыре штуки израсходовали... Ты гильзу освободи... гильзу-то... Они у нас попомнят... Кровью умоются... кровью... — шептал Вологжин, и Сотникову показалось, что командир его впадает в беспамятство. В последние два дня, как раз в самую жару, с ним это случилось уже раза три-четыре.

Он нашел руку Вологжина — рука была вялой, неживой. Сотников испугался, смочил тряпицу драгоценной водой, приложил к лицу командира, затем разжал его рот и влил туда пару глотков. Вологжин всхлипнул, поперхнулся, но не закашлялся: долгое пребывание на грани жизни и смерти приучило подавлять в себе любое желание, даже произвольное: кашель там или еще что, лишь бы не выдать своего присутствия.

— Что? Что такое? — спросил Вологжин, едва прекратились конвульсии тела, борющегося с кашлем.

— Попить я вам дал, товарищ майор: сознание вы потеряли. Испугался я, — оправдывался Сотников.

— Сам-то попил?

— Сам-то? Попил маленько, товарищ майор. Да мне и не хочется.

— Не ври. Пей давай! — приказал Вологжин. И, лишь услышав, как Сотников сделал пару глотков из фляги, продолжил настойчивым шепотом: — Если я сознание потеряю или даже умру, это не имеет значения. Но ты не должен умереть, Тимоха. Ты должен жить. Там ждут наших данных. Для них очень важно знать, что тут делается...

Над головой будто взорвалась небывалая бомба или снаряд, и осколки от нее посыпались тяжелыми подпрыгивающими ударами куда-то на запад. И почти сразу же потемнело. Вологжин этого не видел, но он услышал, что привычные звуки: стрекот кузнечиков, писк трясогузок, ляг лопат о каменную землю — стали затихать, а затем исчезли окончательно.

— Что там? — спросил он у Сотникова.

— Фрицы побросали кирки и лопаты и подались в палатки. Там у них палатки, оказывается, стоят. А я сразу-то и не разглядел. Дождь, стал быть, вот-вот начнется, товарищ майор. Потемнело ужасно. Если что, я каску-то выставлю... Как вы считаете?

— Только с той стороны, где нет никого. Нам нельзя раскрыться никак... Столько терпели, столько ждали... Нет-нет, лучше совсем ничего не надо. Глупая случайность и — хана. Еще потерпим малость...

— А я, товарищ майор, это... Тут вот жестянка какая-то, так я ее высуну в смотровую щель, что накапает, то и в каску. Жестянку-то не заметят, товарищ майор. Куда им...

Вспыхнул голубоватый пульсирующий свет — и новый мощный удар грома расколол, казался, землю и небо на мелкие кусочки. И тотчас же на броню обрушился ливень, и танк со всех сторон огородила плотная стена дождя.

Сотников приподнял крышку командирского люка, высунулся, огляделся — ничего не было видно ни внизу, где стояли палатки саперов, ни на дороге. Тогда он откинул крышку и, стоя по плечи под проливным дождем, подставил под его струи сразу две каски.

— Сотников! Ты чего? — забеспокоился Вологжин, почувствовав, как внутри танка хлещет вода.

— Нет никого, товарищ майор! — крикнул, склонившись над люком Сотников. — И не видно ничего: ни мы их, ни они нас. Вы откройте второй люк.

Вологжин перебрался на место наводчика, сдвинул запор и поднял крышку, и на него обрушились потоки дождя. Он ловил струи ртом, лицом, телом. В минуту он стал мокрым до нитки, но ощущение опасности ни на мгновение не покидало его, и он, едва почувствовав ослабление дождя, закрыл люк и сев на мокрое сиденье, дернул за штанину Сотникова.

— Все! Хватит, Сотников! Приказываю закрыть люк.

Тихонько звякнула крышка, и разочарованный голос Сотникова произнес:

— Еще бы пару минут, товарищ майор, каски были бы полными.

— Выставляй свою жестянку и набирай. Но смотри в оба.

Гроза пронеслась, но дождь не прекратился. Правда, не такой сильный, однако дорога по-прежнему пустовала, и саперы все еще сидели в своих палатках. Зато теперь мимо танка несея по промоине мутный поток воды. Он шумел, ворочал камни, камни ударялись в гусеницы, катки, стучали в днище, точно просясь внутрь. Вода поднялась внизу, заливая трупы погибших танкистов, она булькала, хлопала, ворчала.

— Нижний бы люк открыть, — зашептал Сотников. — Смыло бы тогда все, чище бы стало, дышать легче...

— Почему нельзя открыть? — спросил Вологжин, восстановив в своей памяти конструкцию люка и его запоры.

— Выгнуло его, товарищ майор. Одним концом его как бы выдавило наружу, поэтому вверх ему дороги нет. Ломы нужны и кувалда, иначе никак.

— Ну, никак так никак. И говорить об этом нечего.

И все-таки после ливня дышать стало легче. А дождь, продолжавшийся какое-то время еще и потемну, то затихая, то припуская, позволил Сотникову наполнить водой две полторалитровых фляжки.

— Ничего, жить можно, — бодрился Вологжин, хотя боль в глазницах возникла снова и с каждым часом все нарастала и нарастала.

Видать, началось воспаление, а что делать в таких случаях, он не знал. Но и ничего не делать было нельзя, и оставалось лишь снова прижечь раны водкой. И тогда он решительно содрал повязку и почувствовал, как по лицу его течет не то кровь, не то гной.

Сотников склонился над ним, стал вытирать под глазами марлевыми тампонами, и говорил, говорил, говорил, заглушая свой страх, свою неуверенность, но Вологжин, сжавшись в комок, с трудом сдерживая рвущийся из груди стон, не понимал ни единого слова.

Когда Сотников закончил чистку и наложил на глазницы тампоны, смоченные водкой, и прижал их новой повязкой, Вологжин, переведа дух, отпил из фляги несколько крупных глотков водки. В голову ему тут же ударил хмель, и все поплыло куда-то, и он сам поплыл, и казалось ему, что плывет он на противоположный берег Шексны, при этом совершенно голый, а на том берегу немцы, немцы, немцы...

10

Миновал еще один день. “Енисей” их не беспокоил. Немецкие саперы по-прежнему вгрызались в каменистую землю у подошвы гряды, вдалеке бухали пушки. К концу дня по раскисшей после дождя дороге в обратную сторону, то есть на юг, поползли колонны машин с солдатами, легкие танки, орудия. Вологжин вызвал “Енисея”, коротко доложил обстановку. “Енисей” велел ждать и больше его не вызывать: он сам вызовет, когда понадобится. Это показалось Вологжину странным. В сердцах он выругался, но не вслух, а про себя: фрицы — вот они, бей их: никто не мешает, а они... они там черт знает о чем думают. Но привычка к дисциплине повиновения командам взяла свое. К тому же им там виднее — и в прямом и в переносном смысле слова. А ему тут...

Утром двенадцатого Вологжина разбудил слитный и все усиливающийся гул далекого боя. Вскоре там ревело уже без передыху, лишь изредка понижая тон, чтобы на фоне непрекращающегося гула можно было различить от-

дельные выстрелы танковых орудий и самоходок, взрывы снарядов, бомб, мин и черт знает чего там еще.

Вологжин разбудил Сотникова: ему показалось, что они что-то важное проспали, что день в разгаре, что рядом немцы, что одно дело слышать, но не видеть, а совсем другое... Но проснувшийся тотчас же Сотников сообщил, зевая, что солнце еще только-только взошло, что вокруг все спокойно, но там, где еще вчера ковырялись саперы, немцы устанавливают противотанковые орудия, дорога пустынна, на небе ни облачка, и день снова обещает быть жарким.

Теперь они уже вдвоем вслушивались в далекий гул, каждый про себя гадая, что там может происходить. Ясно, что там идет сражение, потому что на артподготовку эта стрельба не похожа: у той совсем другой мотив, другие тона и октавы. Иногда, как порождение этого сражения, над ними с воем пролетали самолеты. Если немецкие, зенитки, стоящие на вершине гряды, не стреляли, если наши, били часто, остервенело, взмахом. Но как только затихало рядом, тут же снова вспухал далекий гул, не смещаясь ни влево, ни вправо, ни вперед, ни назад. Представлялось, что там встали напротив друг друга сотни, если не тысячи, орудий, танков и самоходок и принялись палить, как на дуэли — кто кого перепалит. Так, по крайней мере, это представлялось Сотникову.

Вологжину же чудилось нечто бесформенное: атаки, контратаки то в одну сторону, то другую. В сорок первом он проходил нечто подобное, когда, едва очухавшись после контузии, получил под свое командование танковую роту, с ней в составе Восьмого танкового корпуса сошелся на встречных курсах с двумя немецкими танковыми дивизиями. Боже, как тогда горели бэтэшки, как они горели! И не столько от огня немецких танков, сколько от противотанковой артиллерии, появившейся всегда неожиданно. Правда, и фрицам тогда досталось тоже, но сказалось их превосходство даже не в технике, сколько в организованности, в четком взаимодействии всех родов войск, а в результате через несколько дней боев от Восьмого танкового корпуса не осталось ничего. Вологжина тогда ранило в плечо, экипаж успел покинуть горящий танк, его доставили в медсанбат, там перевязали, из медсанбата отправили в полевой госпиталь, а потом за Днепр, а по всему по этому он не попал в окружение, вылезился, получил танковый батальон и снова стал воевать... до следующего ранения.

Прерывистый гул далекого сражения не затих даже ночью. В той стороне, где были наши, и слева тоже, вспыхивали зарницы орудийной стрельбы, бухали пушки. Всю ночь на разных высотах гудели самолеты, летящие то в одну сторону, то в другую, по небу шарил прожектор, стучали зенитки, громовыми раскатами расплывались в ночной темноте близкие и дальние бомбежки, пульсировали зарева пожаров.

Вологжин слышал только звуки. О том, что можно увидеть глазами, ему рассказывал Сотников. Но видел он немногое.

С наступлением темноты на дороге движение танков и машин значительно усилилось: одни двигались в ту сторону, где шли бои, другие назад.

— Ох сколько их, товарищ майор, — шептал Сотников и возбужденно теребил рукав гимнастерки Вологжина. — Передать надо, чтобы наши накрыли их артиллерией.

Вологжин помнил приказ не выходить самому на связь и теперь не знал, что ему делать. Действительно, накрыть колонны немецкой техники огнем артиллерии и “катюш” представлялось настолько необходимым, что можно нарушить и приказ. И он решился. Натянув на голову шлемофон, стал вызывать “Енисей”. Тот откликнулся тут же, будто только и ждал вызова “Байкала”.

— По дороге наблюдаю усиленное движение колонн танков и мотопехоты в сторону фронта и машин в обе стороны! — сообщил Вологжин. — Координаты те же. Жду указаний. Прием.

“Енисей” не отвечал долго. Вологжин представил, как его сообщение идет по инстанциям, доходит до самого верха, то есть до командующего фронтом, и тот...

— “Байкал”! Ответьте “Енисею”! — снова ожила наконец рация, но уже другим голосом.

— “Байкал” слушает.

— Даем пристрелочный.

— Тимоха, смотри в оба, — велел Вологжин, по установившейся привычке трогая Сотникова рукой.

— Смотрю, товарищ майор. Смотрю!

Тяжелый снаряд разорвался далеко: видимо, били по старым координатам, имея в виду переправу через речушку.

— Справа... то есть слева пятьсот, — не слишком уверенно сообщил Сотников. — Или шестьсот. Плохо видно, товарищ майор, — пожаловался он.

Вологжин передал.

Новый снаряд разорвался слева от дороги почти в расположении противотанковых орудий.

— Четыреста справа, — дал поправку Сотников, и Вологжин повторил ее в микрофон.

Третий снаряд разорвался рядом с дорогой, хотя и далековато от танка.

— Есть попадание! — сообщил Вологжин.

Какое-то время слышался лишь низкий, утробный гул танковых двигателей. Затем загрохотало. То ближе, то дальше взметались вверх огненные кусты, их становилось все больше и больше, пока все видимое из танка пространство не затянуло дымом и пылью, сквозь которую прорывались лишь слабые сполохи разрывов.

Артиллерийский налет продолжался минут пятнадцать.

“Енисей” молчал. Вологжин его не тревожил, потому что сказать было нечего: результаты работы артиллеристов станут видны лишь днем. Еще через какое-то время над дорогой вспыхнули сразу две “люстры”, осветив все мертвенным голубым светом. К этому времени движение возобновилось и, судя по звукам, оно не стало менее интенсивным.

Началась бомбежка. Сперва послышался густой визг падающих бомб, затем побежали разрывы, земля забила судорожной дрожью, дрожь эта передалась танку, и в нем, в самом низу, где лежали разлагающиеся трупы, что-то жалобно забренчало — так жалобно, что Вологжин даже замер, прислушиваясь. Забеспокоились разбуженные мухи.

А Сотников, возбужденно подпрыгивая на своем сиденье, кричал Вологжину в самое ухо:

— Во дают, товарищ майор! Во дают! — Снова припадал к щели, и Вологжин сквозь грохот бомбежки слышал его захлебывающийся голос: — Так им, гадам! Так! Еще врежьте! Во дают! Во! Во! — и звучал радостный, почти не сдерживаемый, смех. И тихое жалобное бречанье. И Вологжин думал: “Если даже нас сегодня убьют, то и тогда... не зря... нет, не зря мы тут... потому что... а как же иначе... то-то и оно...” И грудь его окутывало чем-то теплым, и боль отступала, и он верил, что будет видеть и жить долго-долго.

Только на пятый день бой приблизился настолько близко, что вдалеке стали различимы немецкие танки и самоходки, которые пятились и стреляли куда-то, по невидимым Сотникову целям. По ним тоже стреляли, а время от времени над полем боя пролетали наши штурмовики, тоже стреляли и бомбили, затем появлялись немецкие самолеты, в воздухе гудело и трещало, там и сям на землю падали, таща за собой дымные хвосты, поверженные самолеты, иногда вспухали белые купола парашютов.

После полудня показались наши “тридцатьчетверки” и КВ, медленно и осторожно подвигающиеся вперед.

— Наши! — громким шепотом сообщил Сотников.

— Ты приготовил холостой выстрел? — спросил Вологжин.

— Приготовил, товарищ майор.

— Давай на место наводчика, — приказал Вологжин. — А я буду подавать снаряды. Поехали. — По звуку определив, что Сотников занял свое ме-

сто, подал ему гильзу, заткнутую тряпкой. Приказал: — Разворачивай башню на немецкие орудия. Бери на прицел ближайшее.

— А если заметят?

— Теперь это не имеет значения. Если полезет пехота, используешь курсовой пулемет. Но думаю — не полезет: им сейчас не до нас.

Со скрипом и хрустом башня стала поворачиваться, а вместе с ней и сиденья. И Вологжин, весь превратившись в слух, почувствовал знакомое волнение в ожидании начала боя. Руки его шарили по валикам настройки разбитого дальномера, а внутренним взором своим он видел распадок и подножие гряды, вдоль которой стояли немецкие орудия, искореженные деревья небольшой рощицы, дорогу, уходящую вдаль, небо, видел наши танки и перебегающую пехоту...

Он услышал, как Сотников послал в казенник ствола гильзу, лишённую снаряда, и как она звякнула тоненько, жалобно, как решительно лязгнул затвор. Нет, не зря он учил танковые экипажи взаимозаменяемости. Вот и пригодилось.

— Готово, товарищ майор!

— Что фрицы?

— Ведут огонь по нашим танкам.

— Ну, как говорится, с богом. Огонь!

Глухо ударил выстрел. Даже и не выстрел, а что-то вроде глухого выдоха.

— Открой затвор, глянь в ствол. Как там?

— Чисто, товарищ майор. И пушка как на ладони.

— Что фрицы?

— Ничего. Похоже, не заметили.

— Осколочный? — спросил Вологжин, подавая снаряд.

— Так точно, товарищ майор! — весело ответил Сотников.

— Давай!

Глухой звон уходящего в казенник снаряда, лязг затвора.

— Ну, бога их мать, Гитлера и всех прочих! Огонь!

Рывнуло орудие, резануло по глазам, Вологжин произвольно прижал к ним руки. Прохрипел:

— Наводи на второе.

— Есть наводить на второе, товарищ майор! Вдребезги! Пушку аж перевернуло вверх тормашками! — кричал Сотников восторженно, в полный голос.

— Заряжай!

— Есть заряжать!

— Огонь!

После четвертого или пятого выстрела откуда-то по танку начала стрелять самоходка. Стреляла болванками, те ударили в крутой каменистый скат, разбрызгивая каменное крошево.

— Смотри, Сотников, чтобы пехота к нам не подобралась, — беспокоился Вологжин. Ему, как никогда, хотелось жить и, быть может, видеть: наука ведь не стоит на месте, что-нибудь придумает.

— Самоходка... где она? Ты ее видишь? — спросил он.

— Нет, товарищ майор, не вижу. Но она где-то за дорогой, за подбитым танком прячется... — И тут же испуганно: — Немцы, товарищ майор. Человек пять. Лезут сюда...

— Так чего ж ты мямлишь, тетеря новочеркасская? Наводи на них орудие! Пулемет! Огонь! Жги их, в душу их мать! Снаряд! — и совал в руки Сотникову снаряд.

Тот, действуя ножными спусками, прижал пехоту к земле пулеметным огнем, затем нажал педаль орудийного спуска. Ахнуло орудие, затем еще раз почти под самым носом, и перед внутренним взором Вологжина вспыхнуло яркое пламя и тут же сменилось темнотой.

По броне танка стучали. Вологжин медленно приходил в себя, не понимая, где он и что с ним. Он вспомнил вспышку и подумал, видел ли он ее, или это что-то другое.

За танковой броней перестали стучать, и кто-то сказал:

— Да мертвые они все, товарищ капитан. Вы понюхайте, какая вонь отсюда прет — ужас просто. А мухи... Фу ты, черт, сколько их!

— Надо открыть люк.

— Как же его откроешь? Взорвать разве что...

— Не выдумывай, Чеботарев. Они час назад еще вели огонь... Не могли они погибнуть. Не имеют права. Давай раскопаем люк механика-водителя. Может, он открыт. Или снизу подлезем.

Вологжин хотел что-то сказать, но губы не разжимались, язык не ворочался. Тогда он стал шарить слабыми руками по броне башни, но ничего не находил, да и не знал, что ищет. Все минувшее, как и настоящее, казалось кошмаром, из которого нет выхода. “Воняет?” — изумлялся он, но никакого запаха не чувствовал. Он протянул руку туда, где должен сидеть наводчик — рука уткнулась в неподвижное тело, припавшее к казеннику орудия, липкую от крови голову, неподвижную руку, уже холодную, свисающую вниз. Вологжин напряг память, но память ему ни о чем не говорила. И тут опять в мозгу вспыхнуло — и он вспомнил: Сотников! Сотников должен быть живым. А он мертв. И не только потому, что холодная рука, — чего не бывает! — но более всего потому, что рука была мертвой. И на него вдруг навалилось такое горе, такое страшное, что он задохнулся и замычал от этой подлой несправедливости, потому что... потому что лучше бы убило его, Вологжина, — он и без того наполовину труп, — чем этого жизнерадостного мальчишку, проведенного с ним в замкнутом пространстве почти две недели, доходя до отчаяния от невозможности выбраться и почти стопроцентной возможности умереть в этом аду.

— Там кто-то живой, товарищ капитан, — послышался все тот же голос, и голос этот показался знакомым, как и голос капитана, который крикнул:

— Эй! Ребята! Кто там живой? Свои это. Капитан Тетеркин. Откройте люк, если можете.

Вологжин нажал на запорный рычаг, сдвинул его с места. Толкнуть крышку сил не осталось, и он тяжело задышал и закашлялся.

— Вологжин! Товарищ майор! Вы это?

— Я, — прохрипел Вологжин.

— Мы сейчас! Сейчас мы! — засуетились снаружи голоса.

Затем лязгнуло железо — и крышка люка откинулась. Вологжину показалось, будто стало светлее. И кто-то сказал голосом начальника штаба:

— Товарищ майор! Андрей Филиппович! Бож-же ж ты мой! Что они с вами сделали...